

Санкт-Петербургский государственный университет

СМИРНОВА Анастасия Евгеньевна

Выпускная квалификационная работа

**Функционально-семантический анализ конструкции «УЙТИ В + Асс» в
русской повседневной речи**

Уровень образования: бакалавриат
Направление 45.03.01 «Филология»
Основная образовательная программа СВ.5036. «Отечественная
филология (Русский язык и литература)»

Научный руководитель:

д. ф. н., профессор, Кафедра русского языка,
Богданова-Бегларян Наталья Викторовна

Рецензент:

к. ф. н., эксперт, Отдел фоноскопических,
лингвистических, автороведческих экспертиз,
Экспертно-криминалистический центр,
капитан полиции, Главное управление
Министерства внутренних дел
Российской Федерации по г.Санкт-Петербургу
и Ленинградской области,
Стойка Дарья Андреевна

Санкт-Петербург

2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ	2
ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. РУССКАЯ ПОВСЕДНЕВНАЯ РЕЧЬ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ	9
1.1. <i>Понятие русской повседневной речи</i>	9
1.1.1. Разговорная речь.....	10
1.1.2. Повседневная речь.....	12
1.2. <i>Спонтанная речь, виды подготовленной речи, интернет-дискурс</i> .	13
1.2.1. Спонтанная речь	13
1.2.2. Речь кино	14
1.2.3. Речь в интернете	15
1.2.4. Язык медиатекста и художественного произведения.....	16
1.3. <i>Корпусный подход к анализу русской речи</i>	18
1.4. <i>Идиоматичность в языке и «ядерные» и «периферийные» значения лексических единиц</i>	20
1.5. <i>Грамматика конструкций и понятие конструкции в разговорной речи</i>	22
1.6. <i>Выводы по главе</i>	24
ГЛАВА 2. ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНСТРУКЦИИ <УЙТИ В + АСС> В РУССКОЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧИ.....	26
2.1. <i>Материал и методика исследования</i>	26
2.2. <i>Семантический анализ</i>	27
2.2.1. Полисемия конструкции <Уйти в + Асс>.....	30
2.2.2. Идиоматичность конструкции <Уйти в + Асс>.....	34
2.3. <i>Функциональный анализ</i>	40
2.3.1. Эвфемизация	40
2.3.2. Декорация речи и придание ей книжной окраски.....	43
2.3.3. Придание речи экспрессивной окраски.....	44

2.4. Выводы по главе.....	48
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	50
СПИСОК ПРИНЯТЫХ В РАБОТЕ СОКРАЩЕНИЙ	53
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	54
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ И ИНЫХ РЕСУРСОВ.....	61
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. ОФОРМЛЕНИЕ ОПРОСА О ШКАЛЕ ИДИОМАТИЧНОСТИ.....	62
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. ПРИМЕР РЕЗУЛЬТАТОВ ОПРОСА О ШКАЛЕ ИДИОМАТИЧНОСТИ.....	63

ВВЕДЕНИЕ

Повседневная русская речь в последнее время становится все более интересной для лингвистов самых разных направлений. Одной из причин такого интереса стало появление объемных корпусов, таких, в частности, как Национальный корпус русского языка (НКРЯ) и Генеральный Интернет-Корпус Русского Языка (ГИКРЯ), а также корпус повседневной русской речи «Один речевой день» (ОРД). Именно они открывают богатые возможности для изучения и описания, в том числе лексикографического, не только русского языка, но и русской спонтанной речи, как устной, так и письменной.

Чем больше лингвисты исследуют и описывают языковой и речевой материал, тем более объемный массив информации, открывающейся перед исследователями, оказывается потенциальным предметом новых научных работ. Помимо этого, спонтанная речь постоянно развивается, и количество материала, требующего лингвистического внимания, постоянно увеличивается.

Исследования русской спонтанной речи помогают зафиксировать и систематизировать новые речевые и языковые единицы, выделить новые коннотации их значений, а также многое другое. Среди возможностей изучения повседневной речи – пополнение и корректировка существующих словарных статей («обновление словарного пространства» – *Богданова Л.И.* 2017: 7) и описание новых употреблений известных слов и выражений. Фиксация и систематизация языкового и речевого материала позволяют обнаружить неисследованные вариации семантики многих единиц, что и является одной из задач настоящей работы.

Конструкция <Уйти в + Асс> встречается во фразеологических словарях и – в качестве примеров – в словарных статьях, посвященных как слову *уйти*, так и лексемам в позиции Асс. Однако далеко не все значения этих единиц, встречающиеся в словарях, позволяют полноценно описать семантику исследуемой конструкции. Повседневная, особенно разговорная,

речь включает в себя большое количество вариантов ее употребления, которые также нуждаются в изучении и систематизации.

Именно поэтому настоящее исследование посвящено описанию функционально-семантического анализа данной конструкции, что позволит получить более четкое представление о ее лексическом наполнении и особенностях употребления.

Таким образом, *актуальность* данной работы заключается в том, что она войдет в ряд исследований, посвященных анализу единиц русской повседневной речи, которая активно изучается лингвистами разных направлений. Кроме того, в работе поставлена задача описания конструкции, которая ранее не была подробно рассмотрена. В этом можно усматривать и *научную новизну* исследования.

Объектом исследования является русская повседневная речь, организованная в корпус, а *предметом* – функционирование конструкции <Уйти в + Асс> и ее семантика.

Целью настоящего исследования является выявление и описание функционально-семантических особенностей конструкции <Уйти в + Асс> в русской повседневной речи.

К *задачам*, поставленным в соответствии с обозначенной целью, относятся следующие:

- 1) обзор литературы, связанной с темой исследования:
 - русская повседневная речь (РПР),
 - грамматика конструкций,
 - идиоматичность,
 - ядро и периферия лексико-семантического поля (ЛСП) слова.
- 2) создание пользовательского подкорпуса материала с помощью программы Microsoft Excel;
- 3) количественные характеристики пользовательского подкорпуса;
- 4) анализ контекстов употребления конструкции;
- 5) выделение и анализ значений конструкции;

- 6) анализ значений единиц в позиции Асс;
- 7) определение того, являются ли конструкции идиоматичными;
- 8) построение *шкалы идиоматичности* для рассматриваемой конструкции;
- 9) соотношение «ядерных» и «периферийных» значений глагола *уйти*;
- 10) выявление связи между семантикой конструкции и ее составляющих и особенностями функционирования в РПР.

Источниками *материала* для настоящего исследования стали следующие ресурсы:

- 1) Национальный корпус русского языка:
 - устный подкорпус (УП),
 - основной подкорпус (ОП),
 - газетный подкорпус (ГП);
 - мультимедийный подкорпус (МП)
 - 2) Генеральный Интернет-Корпус Русского Языка;
 - 3) окружающая устная речь;
 - 4) интернет и соцсети;
 - 5) корпус современной русской речи «Один речевой день»;
- К научным *методам*, использованным в работе, относятся:
- метод сплошной выборки;
 - контекстный анализ;
 - сопоставительный (разговорная, публичная и др. типы речи);
 - квантитативный (простые количественные подсчеты);
 - экспериментальный (проведение серии опросов).

Теоретическая значимость данной работы заключается в выявлении максимально полного массива единиц, соответствующих определенной конструкции, и разработка методики их функционально-семантического описания.

Практическая значимость настоящего исследования состоит в возможности использования его результатов для создания проекта словарной статьи, описывающей данную конструкцию.

Работа имеет традиционную **структуру** и включает введение, две главы, заключение, списки принятых сокращений, использованной литературы, словарей и иных ресурсов и два приложения.

Во *введении* описаны актуальность, цель, задачи, материал и методы проведения настоящего исследования, а также указаны научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, описана ее структура.

В *первой главе* рассматриваются основные понятия, необходимые для проведения исследования.

Во *второй главе*, на материале пользовательского подкорпуса проводится семантический и функциональный анализ конструкции <Уйти в + Асс>.

В *заключении* суммируются ключевые выводы, сделанные на основе проведенного исследования.

Приложения содержат оформление опроса о шкале идиоматичности и пример его результатов.

Апробация работы: основные положения и результаты настоящего исследования были обсуждены в докладах на ряде научных конференций:

- Молодежный научный форум «Молодые исследователи – регионам» (Вологда, апрель 2022 г.);
- II Международная научно-практическая конференция молодых ученых «Социально-педагогические инновации в образовании» (Иджеван (Армения), апрель 2023 г.).

Основные положения и результаты исследования отражены в следующих **публикациях** автора:

- 1) Конструкция <УЙТИ В + Асс> в русской повседневной речи // Молодые исследователи – регионам: материалы Международной научной

конференции (Вологда, 19 апреля 2022 г.): в 3 т. Т. III. / Гл. ред. *М.М. Караганова*. – Вологда: ВоГУ, 2022. – С. 156-158;

- 2) Конструкция <Уйти в + Асс> в русской повседневной речи // Социо- и психолингвистические исследования. – № 10, 2022 – С. 70-75.
- 3) Полисемия конструкции <Уйти в + Асс> в русской повседневной речи // Социально-педагогические инновации в образовании. Вторая международная научно-практическая конференция 15-16 апреля 2023. Сб. статей. – Армения, Иджеван: Ереванский гос. ун-т, Иджеванский филиал, 2023. – С. 526-530.

ГЛАВА 1

РУССКАЯ ПОВСЕДНЕВНАЯ РЕЧЬ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

1.1. Понятие русской повседневной речи

Несмотря на первичность устной речи по отношению к письменной, ее пристальное изучение началось относительно недавно, что может быть связано с долгим отсутствием технических возможностей для записи разговорной речи на должном уровне. Однако внимание на этот аспект языка было обращено значительно раньше, чем были написаны первые труды по *коллоквиалистике* – науке о разговорной речи как одной из форм существования литературного языка. Первыми, кто отметил необходимость обращения к устной речи и к психологии повседневного общения, были И.А. Бодуэн де Куртене, Л.В. Щерба, Ф. де Соссюр и другие. Так, конкретно о необходимости изучать «язык города» в отвлечении от литературного языка писал Б.А. Ларин в работе «О лингвистическом изучении языка города» 1928 г. (*Ларин 1977*).

В 60-е годы XX века началось активное изучение русской разговорной речи. Появлялись специальные монографии и труды, такие как «Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис» (*Земская и др. 1981*) и «Введение в коллоквиалистику» (*Скребнев 1985*). В 80-е годы развивается также изучение «языка города», направлению которому задал Б.А. Ларин (*Ларин 1977*).

В настоящее время изучение разговорной речи – это одно из самых стремительно развивающихся направлений лингвистики. На данный момент существует множество словарей такой речи, ср.: «Живая речь. Словарь разговорных выражений» (*Белянин, Бутенко 1994*), «Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи» (*Химик 2004*), «Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи» (*он же 2017 а, б*); «Толковый словарь русской разговорной речи» (*Крысин 2014-2021*), «Прагматические маркеры русской повседневной речи» (*ПМ 2021*) и мн. др.

Помимо этого, появился Национальный корпус русского языка (НКРЯ) (см. о нем подробнее раздел 1.3 данной работы), включающий в себя, в числе прочих, устный подкорпус, а также корпус повседневной русской речи «Один речевой день» (ОРД) (см. о нем подробнее раздел 1.3 данной работы) и ряд других языковых и речевых корпусов.

Можно заключить, таким образом, что, хотя коллоквиалистика – это сравнительно новая наука, она стремительно развивается, открывая все большее поле для исследований лингвистов самых разных направлений, ср.: «Материал устной речи оказывается тем шире и богаче, чем больше аспектов наблюдений над ним задействуют лингвисты. Поистине: чем дальше в лес, тем больше дров. Устный дискурс – это своего рода антипод шагреновой коже: чем больше его исследуют, тем больше возможностей для новых “открытий” он предоставляет» (Богданова-Бегларян 2023: 381).

Прежде чем приступить к анализу функционирования конструкции <Уйти в + Асс>, ставшей предметом настоящего исследования, необходимо ввести некоторые понятия, которые позволят более четко ориентироваться в особенностях материала, на основе которого проведена работа.

1.1.1. Разговорная речь

Наиболее важным для нас является понятие *разговорной речи* (РР). Существует множество разных определений данного термина. Лаконичную его трактовку дала Е.А. Земская: «русская разговорная речь – это речь носителей литературного языка в условиях непринужденного, неподготовленного, непосредственного общения» (Земская 2011: 11-12). Е.А. Земская, таким образом, выделяет РР как «особую языковую систему, противопоставленную в пределах литературного языка кодифицированному литературному языку» (Земская и др. 1981: 5).

О.А. Лаптева определяет РР как «разновидность устной литературной речи, обслуживающую повседневное обиходно-бытовое общение и выполняющую функции общения и воздействия» (Лаптева 1990: 407). Соответственно, разговорную речь можно рассматривать по-разному в ее

отношении с кодифицированным литературным языком (КЛЯ): и как его разновидность, и как нечто полностью отделенное от него.

На основе разных трактовок понятия разговорной речи, В.В. Химик выделяет следующие ключевые признаки, необходимые для понимания РР:

- 1) спонтанность,
- 2) устность,
- 3) литературность.

Кроме того, В.В. Химик выделяет значение разговорной речи в широком смысле: «это разновидность национального языка, которая характеризуется разными уровнями градуального снижения и социальной разнородностью» (Химик 2015: 468).

Приведем еще один пример дифференциации РР (обозначенной в пособии как УЛР – устная литературная речь), предлагаемый Н.В. Богдановой (Богдановой-Бегларян): «УЛР противопоставлена кодифицированному русскому языку и профессиональной речи как некодифицированная речь – кодифицированной – и как исключительно устная – такой, которая существует и в устной, и в письменной формах» (Богданова Н.В. 2001: 12).

Видно, таким образом, что практически при любой трактовке разговорной речи всегда выделяются такие ее признаки, как спонтанность (неподготовленность), непринужденность (естественность) и неофициальность. Иногда говорят даже, что разговорная речь – это единство трех НЕ: НЕпринужденность, НЕподготовленность и НЕофициальность. Что же касается признака *устности*, о котором писал В.В. Химик, то думается, что сегодня уже можно говорить о феномене *письменной разговорной речи*, которая реализуется в интернет-общении и характеризуется теми же тремя НЕ. С учетом такого сближения настоящее исследование выполнено на материале не только устной (УП и МП НКРЯ, ОРД и окружающая речь), но и письменной (ОП, ГП НКРЯ, ГИКРЯ, социальные сети) разговорной речи. В корпусе ГИКРЯ и сетевом общении

мы имеем дело с реальной письменной разговорной речью, а в основном подкорпусе НКРЯ (речь персонажей художественных произведений) и отчасти также в УП НКРЯ (киноречь) – с письменной имитацией устной речи. Все эти типы речи будут в дальнейшем учитываться при анализе материала пользовательского подкорпуса.

1.1.2. Повседневная речь

Важным для настоящего исследования является и понятие *повседневной речи* (ПР), которое до сих пор не полностью разработано и принято не всеми исследователями. В предисловии к словарю прагматических маркеров современной речи (*ЛМ* 2021) Н.В. Богданова-Бегларян упоминает ряд работ из сборника материалов конференции «Повседневная речь как объект лексикографии (XIII Шмелевские чтения)» (*Повседневная речь... 2020*), в которых ставится под сомнение тождественность понятий «разговорная речь» и «повседневная речь» (*Богданова-Бегларян 2021: 10*). Отмечается также и «полностью негативная оценка данного термина» (*там же*), согласно которой термин ПР не представляется убедительным в силу отсутствия его дефиниции и системности.

И далее Н.В. Богданова-Бегларян пишет: «Не исключено, что правильно будет сказать так: повседневная речь – это дискурс в самом широком смысле слова, поскольку вбирает в себя характеристики не только говорящего и его собеседника (как социальные, так и психологические), но и всей коммуникативной ситуации в целом. <...> Это не набор системных возможностей (язык), а набор реализованных возможностей, набор реальных употреблений» (*там же: 12*). Таким образом, в качестве специфики повседневной речи как самостоятельного лингвистического феномена можно выделить реальность употреблений и учет всего контекста коммуникативной ситуации.

В настоящем исследовании повседневная разговорная речь рассматривается как разновидность языка, отличающаяся спонтанностью,

непринужденностью и естественностью, включающая в себя реальные употребления языковых единиц и отмеченная учетом контекста коммуникативной ситуации.

Рассмотрим далее подробно, что такое спонтанная речь и киноречь, а также обратимся к языку интернета, медиатекста и художественного произведения.

1.2. Спонтанная речь, виды подготовленной речи, интернет-дискурс

1.2.1. Спонтанная речь

Среди первых работ, в которых упоминается категория *спонтанности*, – «Французская стилистика» Ш. Балли. Описывая разговорную речь, автор отмечает, что *спонтанность* возникает тогда, когда отсутствует размышление перед произнесением, а также тот факт, что «в обычных жизненных обстоятельствах непринужденная спонтанная речь наблюдается там, где между собеседниками нет никаких общественных преград» (Балли 2001: 343).

Среди характеристик спонтанной речи (СР) Кв. Кожевникова выделяет ее динамичность, неровность в подходе к содержанию, в такой речи «обобщение чередуется с единичностью, абстракция с конкретностью, рефлексия и рассуждения сменяются наглядностью, происходят сдвиги временных позиций и позиций личных – все это в зависимости от коммуникативных условий, тематики и индивидуальных способностей и склонностей говорящих» (Кожевникова 1985: 522). Спонтанной речи свойственны обрывы слов, повторы, самокоррекция, отклонения от правил, паузы хезитации, и т. д., ср.: «Неподготовленная устная речь самоорганизуется в процессе порождения, в отличие от речи письменной, где наблюдается только фиксированный результат. Речь как будто рождается в муках – оговорках, самоперебивах, самокоррекции, обрывах, повторах. Может вербализоваться отбор языковых средств, а также не только положительный, но и отрицательный материал» (Звуковой корпус... 2013: 27).

Большая часть исследователей отмечает такие основные черты СР: реальность, непосредственность, непринужденность (Химик 2015: 462)¹.

Спонтанная речь обуславливает возможность находить новые единицы языка и следить за тем, как они функционируют в неподготовленной речи, что дает возможность рассматривать язык и с лингвистической, и с социо- или психолингвистической стороны.

Часто в одном ряду с неподготовленной спонтанной речью в корпусах фиксируются, а потом и анализируются и виды устной речи, в той или иной степени подготовленные – *квазиспонтанные*, характеризующиеся, с одной стороны, определенной долей подготовленности, с другой – и некоторой степенью спонтанности (Дергачёва 2014). Именно такой речью является, например, *речь кино*.

1.2.2. Речь кино

В пользовательском подкорпусе материала настоящего исследования содержится ряд контекстов из *речи кино*. Она, наряду с театральной, относится к *сценической речи*. Ее особенность заключается в том, что она «отличается от живой повседневной речи, но создает иллюзию разговорности, спонтанности высказывания» (Сунь Сяоли 2022: 2884). Для речи кино характерна двойственность: с одной стороны, она характеризуется подготовленностью, четкостью, наличием большей информативности; оговорки, паузы, отклонения от правил в киноречи сводятся к минимуму. При этом дискурс кинофильма отражает современные речевые образцы, строится на принципах спонтанной коммуникации и имеет свойство проникать в устную повседневную речь (Духовная 2014).

Эта амбивалентность делает язык кино интересным для изучения. Конструкция, которая рассматривается в настоящем исследовании, нередко

¹ Ведутся споры о категории неподготовленности, которую одни исследователи не выделяют, называя всякую речь спонтанной (см., например: Лантева 1985), а другие акцентируют на ней внимание. Так, Е.А. Земская пишет, что *спонтанность* – «речь, возникающая без воздействия извне, без всяких внешних импульсов» (Земская 1988: 8).

встречается в речи кино в разных значениях и функциях, поэтому представляется целесообразным использование этих данных.

1.2.3. Речь в интернете

Стоит сказать и о *речи в интернете*. Сегодня бóльшая часть нашего общения проходит в онлайн-формате (личная переписка, общение в форумах, посты в социальных сетях). Граница между устностью и письменностью в таких ситуациях практически стирается, потому что язык общения в интернете зачастую активно имитирует разговорную речь на фонетическом, морфологическом и синтаксическом уровнях. Назвать эту речь полностью подготовленной сложно: на первый план выдвигается креативная функция языка и установка на стилистический эффект (Клушина, Николаева 2019: 7). По выражению Н.Б. Мечковской, интернет-коммуникация является достаточно новым объектом исследования, представляющим собой «гибрид письменного и устного общения» (Мечковская 2006: 167). Во время переписки в личном чате может возникнуть своего рода спонтанность, которая появляется из-за необходимости быстрого ответа (вовремя написать шутку/быстро ответить на аргумент собеседника и т. д.). Можно упомянуть и распространенность орфографических, пунктуационных и грамматических ошибок, которые появляются вследствие непринужденности общения и необязательности соблюдения языковых норм. Помимо этого, в переписках/публикациях пользователей появляются прагматические маркеры (ПМ) устной речи (*как его, это самое, так и так, типа* и др. – см. о них подробнее: ПМ 2021), которые можно заменить или убрать при подготовке сообщения к отправке. Г.Н. Трофимова утверждает, что «язык, попадая в новые условия существования, связанные с компьютерными и информационными технологиями, реагирует на них, подстраиваясь под нужды виртуального сообщества, с одной стороны, и воздействуя на них – с другой» (Трофимова 2011: 72). Следовательно, язык сетевых текстов приспособливается к наиболее общим речевым навыкам массового интернет-потребителя, то есть к разговорной речи.

Против «спонтанности» языка интернет-общения выступает тот факт, что, в теории, у человека есть большое количество времени на обдумывание слов, а в отдельных случаях – возможность отредактировать сообщение перед его отправлением, что противоречит тезису о том, что спонтанная речь подразумевает минимальное рассуждение перед воспроизведением речи и является естественной и неподготовленной.

Несмотря на это, в настоящем исследовании рассматривается ряд контекстов из интернет-языка, так как он представляется интересной реализацией устно-письменной формы повседневной разговорной речи и может дать более широкий взгляд на особенности функционирования анализируемой конструкции.

1.2.4. Язык медиатекста и художественного произведения

Наконец, стоит упомянуть еще медиатекст и авторский текст.

Медиатекст – это термин, охватывающий все тексты средств массовой информации. Интернет-текст, в свою очередь, может быть его разновидностью, как и газетный, радио- и телетекст (*Клушина, Николаева* 2019: 16).

Главная задача публицистического языка – это привлечение внимания аудитории, кроме того, возникает такой фактор, как массовый характер коммуникации. Сегодня в газетном тексте активизируется авторское начало, что вместе с распространением непринужденной диалоговой формы и жанра интервью объясняет «активизацию устной разговорной стихии речи в газете» (*Кожина и др.* 2008: 347). Ср. также: «язык газеты как разновидность массмедийного языка концентрированно отражает все те динамические процессы, которые оказывают влияние на развитие русского языка. Изменения происходят под знаком демократизации языка, отхода от официальности и ориентации на живую естественную непринужденную речь» (*Казак* 2012: 4). Динамизм, изменчивость, во многом связанные с демократизацией современного общества, и как результат, дробная, фрагментарная, мозаичная картина мира, творимая журналистами, – главные

свойства современной публицистики (Солганик 2005: 21), которые проявляются в языковой раскованности: наряду с нейтральной лексикой, характерной для советской публицистики, активно используются разговорные, просторечные, грубо-просторечные, а нередко непристойные языковые единицы (Чернышова 2003: 15).

Таким образом, исследование контекстов из газетного подкорпуса НКРЯ не противоречит целям настоящей работы и может способствовать выделению новых значений и функций, связанных с особенностями употребления тех или иных элементов разговорной речи в газетном тексте.

Самым противоречивым остается авторский художественный текст. Основная его особенность состоит в эстетической функции, и, разумеется, его нельзя причислить к неподготовленным речевым категориям. Однако именно эта функция позволяет авторам использовать, в частности, для создания речевого портрета персонажа, средства всех функциональных стилей речи, в том числе и РР. Интересно, что одним из первых к смешению разговорной и художественной речи пришел не кто иной, как А.С. Пушкин. Именно он «дал толчок к стилизации в художественных текстах устной речи персонажей» (Сиротинина 2019: 27).

В художественном тексте информация включается для читателя, а не для обеспечения коммуникативной функции, а особенности разговорной речи становятся средствами стилизации (Кожевникова 1970). Из-за этого «та речевая находчивость, игра слов, которые характеризуют большинство персонажей художественных произведений, редко встречаются в жизни» (Пушкова 2019: 264).

Несмотря на это, из-за тенденции к имитации РР язык художественного текста представляется интересным полем для исследования, так как конструкции, в частности, та, которая рассматривается в настоящей работе, приобретают в нем новые коннотации и особенности употребления.

Таким образом, в настоящем исследовании анализируются контексты из разных подкорпусов, содержащие как спонтанную, так и в той или иной степени подготовленную (квазиспонтанную) речь.

Рассмотрим далее особенности и преимущества *корпусного подхода* к анализу русской повседневной разговорной речи, который принят за основу в настоящем исследовании.

1.3. Корпусный подход к анализу русской речи

Современная лингвистика, и особенно коллоквиалистика, предполагают возможность обратиться к единому «сборнику» текстов, которые были бы систематизированы и упорядочены по годам, типу речи (письменная/устная) и другим параметрам.

Сейчас таким источником служат различные корпуса текстов. В учебнике В.П. Захарова и С.Ю. Богдановой среди прочих упоминается определение Э. Финегана: «*корпус* – репрезентативное собрание текстов, обычно в машиночитаемом формате, включающее информацию о ситуации, в которой текст был произведен, такую как информация о говорящем, авторе, адресате или аудитории» (Finegan 2008: 24; цит. по: Захаров, Богданова С.Ю. 2013: 5). Корпусы позволяют получить комплексное представление о том или ином языковом явлении или словоупотреблении, что открывает широкий спектр возможностей для лингвистических исследований.

Среди предпосылок к появлению корпуса В.П. Захаров и С.Ю. Богданова выделяют гарантию типичности данных и обеспечение полнотой представлений о языковых явлениях; нахождение данных в корпусе в естественной контекстной форме; возможность долговечного, многократного использования (Захаров, Богданова С.Ю. 2013: 6).

Первый компьютеризированный корпус появился в 1960-е годы, это был американский Брауновский корпус. «К 1990 г. уже было зафиксировано более 600 компьютерных корпусов» (там же: 12). Таким образом, создание корпусов активно развивается, появляется *корпусная лингвистика*, как отдельная наука о языке.

Несмотря на то что первый русскоязычный корпус был создан еще в 1980-е годы в шведском Уппсальском университете, первым «общедоступным, представительным и размеченным» (Захаров, Богданова С.Ю. 2013: 72) стал *Национальный корпус русского языка* (<https://ruscorpora.ru>), созданный в 2004 году. Это информационно-справочная система, основанная на собрании русских текстов в электронной форме. НКРЯ включает в себя множество подкорпусов, в том числе основной, газетный, устный, глубоко аннотированный (синтаксический), мультимедийный и др. Тексты, содержащиеся в корпусе, охватывают период в 200 лет, что делает его особенно удобным и полезным для изучения современной повседневной речи. В настоящем исследовании, как уже говорилось во введении, использовались устный, основной, газетный и мультимедийный подкорпусы НКРЯ.

Еще один масштабный проект – это звуковой корпус повседневной русской речи «Один речевой день» (<https://ord.spbu.ru>), который начал собираться в 2007 г. (см. о нем подробнее: *Asinovsky et al.* 2009; *Русский язык...* 2016; *Bogdanova-Beglarian et al.* 2016 a, b; *Богданова-Бегларян и др.* 2017, 2019; *ПМ* 2021). Его отличие от других корпусов – это максимально естественные условия коммуникации, из которой получены образцы речи. Информанты в течение одного дня носили с собой диктофон, который записывал все их повседневное общение (всю «речевую продукцию»). Данный корпус позволяет изучать языковые явления и особенности речи в соотношении, например, со временем суток, условиями коммуникации, а также дифференцировать особенности речи людей разных профессий и социолектов.

Наконец, стоит упомянуть и о Генеральном Интернет-Корпусе Русского Языка (<http://www.webcorpora.ru>), созданном в 2013 году. В корпусе содержится материал из соцсети «ВКонтакте», новостных ресурсов и журналов. Проект позволяет изучать язык социальных сетей, рассматривать влияние гендерного фактора на язык и диалектные особенности современной

повседневной речи. В наше время общение в социальных сетях играет огромную роль, так как уже является на данный момент одной из основных форм общения и может послужить источником огромного количества информации о русской повседневной речи.

Знание того, какие бывают корпуса, что они собой представляют и что именно в них можно найти, является важным для проведения настоящего исследования, в котором именно корпуса являются основным источником материала.

1.4. Идиоматичность в языке и «ядерные» и «периферийные» значения лексических единиц

Среди задач, поставленных в данном исследовании, есть следующие:

- определение того, являются ли рассматриваемые конструкции идиоматичными;
- построение *шкалы идиоматичности* для рассматриваемой конструкции;
- соотношение «ядерных» и «периферийных» значений глагола *уйти*, ставшего основой рассматриваемой конструкции.

В связи с этими задачами целесообразно остановиться подробнее на понятиях *идиоматичности* и «ядерных» и «периферийных» зон лексико-грамматической характеристики (лексико-семантического поля) того или иного слова.

И.Е. Аничков в 1926 году написал статью «Идиоматика и семантика», в которой заложил основы идиоматики и указал, что «каждое слово в каждом языке в определенный момент его развития входит в ограниченное количество более или менее устойчивых сочетаний слов» (Аничков 1992: 141). В.В. Виноградов дает такое определение *идиомы*: это «тип фразеологических единиц, абсолютно неделимых, неразложимых, значение которых совершенно независимо от их лексического состава, от значений их компонентов, и так же условно и произвольно, как значение немотивированного слова – знака» (Виноградов 1977: 121). Зачастую идиому

понимают очень широко и приравнивают к понятию *фразеологизма* – на основе таких ее свойств, как *воспроизводимость*, *устойчивость* и *сверхсловность* (см., например: *Ахманова 1966; Кунин 1996; Богданова-Бегларян, Лю Даян 2017*). А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский в качестве «трех идей» идиомы выделяют *неоднословность*, *устойчивость* и *идиоматичность* (*Баранов, Добровольский 1996: 51*). Они же в итоге определяют идиому как «сверхсловные образования, которым свойственна высокая степень идиоматичности и устойчивости» (*там же: 60*). Кроме того, можно упомянуть, что «идиомы, да и все фразеологические единицы, вторичны по отношению к слову и, именно поэтому в основе их лежит образная или комбинаторная мотивированность» (*Черданцева 1996: 58*).

Идиоматичность же как свойство является не менее сложным. Ее «базовые идеи» – это «переинтерпретация» и «непрозрачность» (*Баранов, Добровольский 1996: 52*). Ее можно определить как «невыводимость общего значения устойчивого сочетания слов из суммы значений лексических компонентов» (*Савицкий 2006: 11*). При проведении исследований с анализом языковых конструкций в повседневной устной речи важно понимать не только, являются ли они идиоматичными, но и то, какова степень их идиоматичности: насколько критичным для смысловой цельности будет разбор конструкции «по словам».

В современных словарных статьях, описывающих значение слова *уйти* и лексем в позиции *Асс*, зачастую не находится тех дефиниций, которые вместе могли бы полноценно описать смысл рассматриваемой конструкции в указанном контексте. Более того, и сами конструкции в словарях зачастую не упоминаются. Необходимо четко определить степень их устойчивости и неделимости, чтобы иметь возможность составить проект адекватной словарной статьи.

Второй вопрос – это «ядерные» и «периферийные» значения слов в структуре их лексико-грамматической характеристики. Огромному количеству лексем в русском языке свойственна полисемия. В такой

ситуации можно выделить основные («ядро») и вторичные («периферия») значения в структуре их ЛСП. В реальной разговорной речи носителя языка те или иные лексемы могут порой приобретать смысл, который либо вообще не фиксируется в словарях, либо попадает только в «периферийную» зону словарной статьи. Именно эта зона и представляется особенно интересной для лингвистического исследования, ср.: «думается, что именно здесь лежат истоки многих изменений, происходящих со словом в его реальном употреблении» (Богданова-Бегларян 2020: 24).

Этот аспект является важным для настоящего исследования, которое может стать основой для проекта словарной статьи на глагол *уйти*, так как это позволит более четко и системно представлять, как это слово функционирует в повседневной речи. Это может быть полезно, как отмечает Н.В. Богданова-Бегларян, для автоматической обработки звукового сигнала, автоматического распознавания и синтеза речи, в лингвокриминалистике, лингвистической экспертизе и лингводидактике (*там же*: 28).

Таким образом, понятия идиоматичности и периферии лексико-грамматической характеристики слова необходимы для настоящей работы в аспекте лексикографии и так называемой *речеграфии* (описании речи как дискурса) в целом².

Однако объектом настоящего исследования является конструкция <Уйти в + Асс>, поэтому необходимо ввести еще и понятие *конструкции*.

1.5. Грамматика конструкций и понятие конструкции в разговорной речи

Для настоящего исследования важным будет рассмотрение понятия *конструкции* в разговорной речи с точки зрения *грамматики конструкций* (СхG, или ГК), которая обращает внимание на конструкцию как основную единицу языка. В монографии «Лингвистика конструкций», со ссылкой на

² По мнению М.Н. Приемышевой, пришло время перейти в описании устной речи от *лексикографии* (описании только лексики) – к *речеграфии* (описании речи как дискурса) (Приемышева 2020). Словарь в рамках речевой лексикографии (см. о первом употреблении это термина: Осмак 2014, 2015) должен отражать «коммуникативное поведение» слова, это должен быть «словарь активного типа» (Басалаева и др. 2020: 9).

работу А. Голдберг (*Goldberg 1995*), дается следующее определение *конструкции*: это «языковое выражение, у которого есть аспект плана выражения или плана содержания, не выводимый из значения или формы составных частей» (*Рахилина, Кузнецова 2010: 19*).

В работе «*Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: the Case of LET ALONE*» Ч. Филлмора (*Fillmore et al. 1988*), одного из основоположников ГК, и его учеников, в качестве хрестоматийного примера приводится конструкция *let alone*, которую можно перевести на русский как <не говоря (уже) о>. На ее примере в работе предлагается последовательность разбора конструкции. По форме *let alone* является союзом, который связывает две синтаксически равноправные единицы А и В и который требует элемент С, отрицающий препозицию в подчиненном предложении:

I doubt (C) he made colonel (A) *let alone* general (B).

‘Я сомневаюсь, что он стал полковником, *не говоря уж о* генерале’ (*Рахилина, Кузнецова 2010: 20*).

Однако при разборе семантики выявляется шкала значений, «на которой расположены варианты развития событий, причем первая пропозиция (А) представляет более слабое предположение, чем второе (В)» (*там же*). С точки зрения прагматики, здесь «отвергается более слабое (т. е. более вероятное) предположение, чем то, в котором заинтересован говорящий» (*там же*).

Подробный разбор конструкции привел исследователей к центральной идее ГК – идее о *цельности*, которая заключается в том, что объяснение любого уровня и свойства того или иного явления должно обязательно включать в себя его связь с другими уровнями.

Таким образом, к признакам конструкции можно отнести цельность, а помимо нее – некомпозициональность, воспроизводимость и частотность.

На основе такого подхода можно рассматривать <Уйти в + Асс> как конструкцию в том понимании, которое нам предлагает Грамматика конструкций.

1.6. Выводы по главе

Русская разговорная речь – это благодатное поле для исследования огромного количества языковых и речевых явлений. Несмотря на то что ее пристальное изучение началось относительно недавно, сейчас это перспективное, активно развивающееся направление.

Для исследователя, занимающегося коллоквиалистикой, очень важны такие понятия, как *разговорная речь* и *повседневная речь*, которые необходимо определять в научных работах в связи с разницей в их трактовке в современной лингвистике.

Помимо этого, стоит обозначать важность исследования речи разной степени подготовленности: спонтанную и квазиспонтанную (киноречь, интернет-речь и язык медиатекстов и художественной литературы).

Важным инструментом в изучении РР являются корпуса русского языка, к которым относятся такие масштабные и значимые ресурсы, как НКРЯ, ОРД и ГИКРЯ. Необходимо иметь хотя бы базовое представление о том, что такое *корпусная лингвистика* и чем различаются основные современные корпуса.

Кроме того, для настоящего исследования необходимо было ввести понятие *идиоматичности* и указать, зачем и как в дальнейшем будет использоваться понятие «периферийная зона лексико-грамматической характеристики слова».

Наконец, в настоящей главе работы было рассмотрено понятие конструкции с точки зрения современной теории ГК и, на основе выделенных свойств конструкций как основных единиц языка, сделан вывод о причастности <Уйти в +Асс> к этому классу языковых элементов.

В следующей главе работы представлен собственно ход анализа употреблений рассматриваемой конструкции, по корпусным данным, и его результаты.

ГЛАВА 2

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНСТРУКЦИИ <УЙТИ В + АСС> В РУССКОЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧИ

2.1. *Материал и методика исследования*

В качестве материала для исследования были отобраны 133 контекста с употреблением конструкции <Уйти в +Асс>. Для отбора был использован метод сплошной выборки и оформление пользовательского подкорпуса, в который вошли наиболее интересные в рамках исследования примеры.

Источниками материала стали следующие ресурсы:

- 1) Национальный корпус русского языка:
 - устный подкорпус – 39 употреблений;
 - основной подкорпус – 31 употребление;
 - газетный подкорпус – 11 употреблений;
 - мультимедийный подкорпус – 10 употреблений;
- 2) записи окружающей речи (ОР) – 22 употребления;
- 3) социальные сети – 13 употреблений;
- 4) Генеральный интернет-корпус русского языка – 6 употреблений;
- 5) корпус современной русской речи «Один речевой день» – 1 употребление.

Для отбора необходимого материала использовался *метод сплошной выборки* и последующее оформление списка наиболее интересных конструкций в пользовательский подкорпус в виде таблицы Excel. Здесь, помимо самих контекстов, указывались данные о том, является ли конструкция идиоматичной и экспрессивной, соответствует ли значение из контекста толкованию глагола *уйти* в словарных статьях, посвященных ему, и обнаруживается ли конструкция во фразеологических словарях. Использование такого метода оформления материала способствовало возможности быстро подсчитывать количественные данные и сравнивать их.

Для полноты обзора в пользовательский подкорпус были отобраны контексты не только с формой инфинитива *уйти* совершенного вида (СВ), но

и формы прошедшего времени (*ушёл, ушла, ушли, ушло*), будущего (*уйдёт, уйдут, уйдём*), настоящего (*ухожу, уходишь, уходите*) и формы несовершенного вида (НСВ) (*идти, идёт, уходила*).

Методика работы с материалом включала несколько этапов.

1. Семантический анализ:

- поиск значений глагола *уйти* в толковых словарях русского языка;
- поиск конструкций (и их значений) во фразеологических словарях русского языка;
- выделение и описание конструкций, значения которых не обнаружилось ни в толковых, ни во фразеологических словарях;
- подсчет и сравнение количества конструкций, которые обнаружились или не обнаружились в словарях;
- поиск и описание полисемантических конструкций;
- описание идиоматичности конструкций и создание *шкалы идиоматичности*, проведение опроса для уточнения данных.

2. Функциональный анализ:

- описание функционирования конструкции в русской повседневной речи;
- количественные подсчеты.

3. Выводы.

Таким образом, настоящее исследование включало ряд этапов, позволяющих наиболее эффективно рассмотреть конструкцию, ее семантику и особенности функционирования и прийти к результатам, которые могут лечь в основу дополнения словарной статьи и создания толкований во фразеологических словарях. Рассмотрим далее подробно каждый этап проведенного исследования.

2.2. Семантический анализ

Одной из ключевых задач данного исследования был анализ словарных статей на глагол *уйти* и фразеологических словарей, в которых встречалась рассматриваемая конструкция.

Лексикографический анализ выявил обилие значений рассматриваемой единицы: в МАС представлено 13 основных значений формы *уйти* (МАС 1988: 477-478), в БТС – 18 (БТС 2000: 1379), в Толковом словаре под редакцией Д.В. Дмитриева на глагол *уходить* – 28 (Толковый словарь 2003: 1458-1459). Наиболее часто встречающимся оказалось значение, которое в МАС обозначено под номером 12 (явная *периферия*): «**Уйти** – <...> 12. перен.; во что. Целиком отдаться чему-л., увлечься чем-л. *Сергей ушел в книги* <...>» (МАС 1988: 478), ср. (все примеры в работе атрибутированы с указанием их источника):

- (1) *Я / вообще / перестала ревновать к конкуренции // мне кажется / я сейчас **уйду в юридическую работу*** (ОР);
- (2) *Козловский в связи с новым статусом отца взял отпуск, так как хочет забыть о работе и полностью **уйти в семейные хлопоты*** (ГП);
- (3) *И даже больше того/ в общем-то и целом/ несмотря на то/ что он вроде бы **ушёл в марксизм** и в общем-то воспринимал этот марксизм* (УП).

Довольно большая часть употреблений (41,4 % пользовательского подкорпуса) была обнаружена во фразеологических словарях³: например, отдельные значения конструкций *уйти в тень*, *уйти в отказ*, *уйти в землю*, *уйти в сторону*, *уйти в небытие* (*/мир иной*) и др. В этом отношении отдельного рассмотрения заслуживает полисемия конструкций, которая будет подробно рассмотрена в разделе 2.2.1 настоящего исследования. Здесь же стоит упомянуть о понятии *фразеологического значения*, которое «является языковым значением особого типа, закрепившимся за устойчивым сочетанием слов, которое в той или иной степени абстрагировано от семантики языковых элементов, образующих форму его выражения» (Залевская, Ибрагимова 2022: 415).

Другая часть употреблений (36 %) представляет особый интерес: их не нашлось во фразеологических словарях, а значение глагола *уйти* не подходит

³ Интересно в связи с «обновлением словарного пространства» упомянуть также задачу построения «идиоматических тезаурусов», которую разрабатывают Д.О. Добровольский и Ю.Н. Караулов, см.: (Добровольский, Караулов: 1993).

под словарные варианты. В некоторых случаях уточнить смысл помогали словарные статьи на единицы в позиции Асс, например:

- (4) *Да / сейчас тяжело // наверное вот почему все стали заниматься йогой сейчас / хотят **уйти в астрал*** (ОР).

«На помощь» приходит «Толковый словарь русского арго»: «**Астрал**. <...> От теософско-эзотерического “астральный” (“астрал”, “астральное тело” и т. п.) – космический, относящийся к высшей, нематериальной субстанции» (Елистратов 2000: 19). Зная значение слова в позиции Асс, можно понять и значение всей конструкции: ‘ментально перенестись из обычного мира, с его проблемами, в мир нематериальный (через занятия йогой)’. Или другой пример:

- (5) *Самое главное, что система высшего образования не **ушла в штопор**, в сложнейших условиях было организовано обучение, в целом все решения были приняты правильно, на мой взгляд* (ГП).

В том же словаре нашлось ближайшее значение: «**Штопор**. <...> 2.Трудное положение, тяжелая ситуация. **Выйти из ~а** – выбраться из тяжелого положения» (там же: 562). Соответственно, семантика конструкции ближе всего к следующему: ‘система образования не оказалась в трудной ситуации’.

Однако встретились и употребления, пониманию которых вовсе не помогают словарные статьи:

- (6) *Скромный дуэт «Тальник» совершенно бесхитростен там, где многие другие могли бы **уйти в иронию** – на обложке «Музыкайф» находится, натурально, теплый клетчатый плед* (ГП);
- (7) *При соблюдении требований, **уйти в интернет** сможет любая аптека* (ГП);
- (8) *Такое состояние, когда хочется напиться и **уйти в плед*** (ГИКРЯ);
- (9) *А как у тебя с Мишей? [Таня (Е. Соловей, жен, 33, 1947)] С Мишей всё **ушло в слова/ в выяснение сути**. Суть чего?* (УП);
- (10) *Аа там русский язык/ там чтение/ рисование/ труд/ если ни в чём нет/ не будет ребёнок хотеть/ не будет/ вообще/ ни любить ни школу/ ни учителей/ ни учеников и уже в седьмом классе он **уйдёт в подъезды*** (УП);

(11) *Мечталось встретить такую девушку, полюбить-полюбиться и **уйти в закат**, держась за руки* (ГИКРЯ).

Контекст (11) требует особого внимания. Дело в том, что слово *закат* в словарях русского языка трактуется либо как ‘заход солнца’, либо как ‘конец чего-либо’ (= *закат жизни*) (Ефремова 2000). Однако при поиске значения аналогичной конструкции в английском языке *to ride(/drive/walk etc.) (off) into sunset* в интернете, первый же сайт⁴ выдает необходимое значение: ‘to begin a new, happy life at the end of a story’⁵:

- *At the end of the movie, the two of them **ride off into the sunset**.*

В то же время в окружающей речи встретился контекст, который не подходит и под это значение:

(12) *Надо ничего не отвечать на это / надо просто // **уйти в закат*** (ОР).

В этом случае намного более подходящим представляется значение ‘прекратить разговор’.

Так, семантический анализ материала пользовательского подкорпуса показал, что лексические значения глагола *уйти* и фразеологические значения рассматриваемой конструкции <**Уйти в* + Асс>, на сегодняшний день представленные в словарях, не являются достаточными для определения того, какие значения встречаются в контекстах с этими единицами в повседневной речи.

2.2.1. Полисемия конструкции <*Уйти в* + Асс>

Полисемия, или многозначность, согласно словарю лингвистических терминов, это наличие у слова нескольких значений, которые, выступая в разных контекстах, образуют семантическую структуру слова (Жеребило 2010: 198). Это сложное и интересное с разных точек зрения явление языка. Известны споры о том, в каких случаях следует говорить о полисемии, а в каких – об омонимии, или о том, может ли полисемия иметь место в условном «идеальном» языке. В любом случае это явление обогащает язык

⁴ [Электронный ресурс, дата обращения – 16.05.2022]: <https://dictionary.cambridge.org/us/dictionary/english/ride-drive-walk-etc-off-into-the-sunset/>

⁵ ‘Начать новую, счастливую, жизнь в конце истории’ (В конце фильма герои вдвоем ушли в закат).

и представляется «одной из важнейших особенностей лексики» естественных языков народов мира и человеческого языка вообще (Будагов 1972: 140).

Что касается конструкций, то в их отношении необходимо упомянуть, во-первых, о *семантической деривации* – производности, «которая лишь формально отличается от обычной лексической деривации, словообразования: семантическая деривация не требует формальных показателей» (Падучева 1998: 3). Во-вторых, с точки зрения грамматики конструкций, такие случаи описываются не как приобретение единицей нового значения, а как результат интеграции (*integration*) в новый контекст и «принуждение» (*coercion*) изменения значения (Добровольский 2016: 11).

Переходя к примерам из пользовательского подкорпуса, стоит начать с конструкции *уйти в тень*. Во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» дается следующее значение: «**Уйти в тень**. Экспрес. Становиться незаметным; терять свою важность, значение <...>» (Федоров 2008: 712). Однако в пользовательском подкорпусе встретились значения, отличающиеся от указанного, и их стоит рассмотреть.

- (13) *Предыдущий губернатор Олег Ковалёв стал вашим советником/ ездил с вами во Фрунзенский район/ а потом **ушёл в тень**. Остаётся ли он вашим советником/ и если нет/ то почему/ если да/ то о чём вы сейчас с ним советуетесь?* (УП) (= ‘перестал появляться на публике’);
- (14) *Потом была небольшая пауза/ динозавровая гипотеза происхождения птиц вдруг **ушла в тень**/ возобладала другая гипотеза.* (УП) (= ‘стала неактуальной, отодвинулась на второй план’);
- (15) *если у меня будет достаточно талантливый человек/ который/ я буду видеть в этом человеке самостоятельность и что он может добиться/ я помогу ему всё сделать/ **Я уйду в тень**/ как у меня сделал мой отец кстати/ Он/ перед тем как они с мамой поженились он сказал в семье должен быть один умный человек/ Этим будешь человеком ты/* (УП) (= ‘уступлю место, не буду занимать центральную позицию’);
- (16) *но я поняла одно: что, во-первых, это всё побуждает мужчину либо **уйти в тень**, испугаться и сложить руки — а вообще, зачем тогда я тебе нужен, дорогая?»* (УП) (= ‘скрыться/ «не отвечать»’).

В зависимости от контекста, конструкции приобретают хоть и схожие, но все-таки разные значения – их семантика во всех приведенных примерах

связана с желанием скрыться или отойти на второй план, но различается в тонкостях. Это, в свою очередь, связано с упомянутыми интеграцией и принуждением, а также с композиционной семантикой, когда значение слова создается в том числе в его партнерах по речевой цепи (Норман 2019).

Другой пример – книжная (например, во фразеологическом словаре русского литературного языка (ФСРЛЯ) ее толкование имеет помету «книжн.» – Федоров 2008: 712) конструкция *уйти в небытие*. Она является эвфемистичной и скрывает в себе значение ‘умереть’, что подтверждает фиксация ее синонимов (*уйти на тот свет/ в лучший мир/ в мир иной*) в словаре эвфемизмов (Сеничкина 2008: 434).

В контекстах пользовательского подкорпуса эта конструкция также зафиксирована в разных вариантах:

- (17) *А когда фюрер **уйдёт в небытие**... надо быть очень полезным Борману. Он тогда будет Монте-Кристо двадцатого века (МП) (=‘умрет’);*
- (18) *Когда дети болеют, амбиции, планы и цели **уходят в небытие**. И кажется что этот поезд ты уже никогда не догонишь (соцсети) (=‘потеряют смысл’)*
- (19) *В тот момент мы не собирались никого/ конечно/ брать/ и за секунды перед тем как вот э... у... **уйти в небытие наркоза**/ э... я сразу э... чувство страха/ чувство какого-то... тревоги какой-то (УП) (=‘погрузиться в сон под анестезией’).*

На первый план в контекстах (18) и (19) выходит не словарное значение данной конструкции, а ее книжность и экспрессивность: ее употребление «украшает» речь.

Интересное и несловарное употребление конструкции, тоже обнаружившее полисемию, – *уйти в закат*:

- (20) *Мечталось встретить такую девушку, полюбить-полюбиться и **уйти в закат**, держась за руки (ГИКРЯ).*

Этот контекст соответствует упомянутому выше значению, выявленному на английском языке (‘начать новую, счастливую жизнь в конце истории’), однако в окружающей речи встретилось и другое значение, более близкое конструкции *уйти в тень*, ср.:

(21) *Надо ничего не отвечать на это/ надо просто// **уйти в закат*** (ОР) (=‘прекратить общение’).

Так, несмотря на то что довольно частотная (более 100 употреблений по первичному поиску в ГИКРЯ) конструкция еще не зафиксирована в словарях, она уже приобретает отдельные оттенки значений.

Следующий пример – конструкция *уйти в отрыв*. В «Большом словаре русских поговорок» (БСРП) уже зафиксированы два основных ее значения: «<...> **Уходить/уйти в отрыв**. 1. Публ. Обогнав кого-л., уходить вперед. <...> *Из речи спортсменов*. <...> 2. *Жарг. мол. Одобр.* Расслабиться, получить удовольствие <...>» (Мокиенко, Никитина 2007: 471). С помощью примеров из пользовательского подкорпуса можно проиллюстрировать, как эти два значения отражаются в речи:

(22) *Я вчера отработала и **ушла в отрыв**. Вот что хочу сказать. А эту татуировку мы делали пару лет назад Олесе, которая пришла ко мне на обучение (соцсети) (=‘начала развлекаться, отдохнула’);*

(23) *Это позволило «Звезде» единолично утвердиться на второй позиции в турнирной таблице вслед за динамовцами Барнаула, **чуть ушедшими в отрыв*** (ОП) (=‘обогнав кого-л., уходить вперед’).

Значение одного из двух следующих примеров, в которых приводятся варианты конструкции *уйти в отказ*, также есть в БСРП: «<...> **Идти/пойти в отказ**. Разг. 1. Отказываться от своих слов. 2. Не сознаваться в чём-л. <...>» (там же: 470):

(24) *Антонимы/ это хорошее средство/ когда человек **идёт в отказ*** (ОР).

Однако в другом случае появляется очередное несловарное значение:

(25) *Я-аа/ хочу **уйти в отказ** от кофе на этой неделе// Постоянно болит голова* (ОР) (= ‘полностью отказаться от чего-либо’).

Здесь выбор в пользу конструкции <Уйти в + Асс> вместо простого *отказаться* представляется обусловленным желанием говорящего добавить экспрессивности своему высказыванию.

Наконец, стоит обратить внимание на еще одно частотное выражение *уйти в сторону*:

(26) *Я не могу себе представить/ чтобы люди/ администрация президента/ да и сам президент добровольно сложили с себя все полномочия/ как*

бы ушли в сторону. Мы просто говорим о тех вещах/ которые просто физически сейчас/ в данный момент не осуществимы (УП) (= ‘скрылись от обязанностей’);

(27) *Оскар/ подожди/ ты уходишь в сторону (ОР) (= ‘меняешь тему, не придерживаешься изначальной линии разговора’);*

(28) *Доверия ему высказывало очень много народу. Очень многие слои населения его поддерживают. Но как-то он ушел в сторону. Даже обидно. (УП) (=‘перестал вести активную политическую деятельность’).*

ФСРЛЯ дает только такое определение: «<...>**Уйти в сторону.** Разг. Экспрес. Уклоняться в рассуждении, разговоре от главного или нежелательного» (Федоров 2008: 712).

Таким образом, можно говорить о том, что отдельные употребления конструкции <Уйти в + Асс> полисемантически и часть выявленных значений оказалась не зафиксирована словарями. Практическая значимость проведенного анализа этой (и, вероятно, других подобных) конструкции заключается в возможности пополнения существующих словарных статей и создания новых, что полезно как для носителей языка, так и для людей, изучающих русский как иностранный, ведь умение правильно пользоваться даже тончайшими различиями в семантике единиц речи и является показателем превосходного владения языком.

2.2.2. Идиоматичность конструкции <Уйти в + Асс>

В разделе 1.4. настоящего исследования было указано, что для составления проектов словарных статей необходимо четко определить степень устойчивости и неделимости рассматриваемых конструкций. Для этого в работе была построена шкала идиоматичности.

Для начала стоит остановиться вообще на методике шкалирования. Еще в 1965 году Н.Д. Арутюнова отметила: «В последнее время вновь становится популярной мысль о том, что целесообразно отказаться от “прокрустова ложа” четкой и бескомпромиссной схемы и предпочесть метод количественной оценки, согласно которому каждое языковое явление должно

описываться по месту, занимаемому им на шкале постепенных переходов» (Арутюнова 1965: 89).

Именно такой подход был выбран в настоящем исследовании – в силу его наибольшей практичности и в связи с тем, что речь в работе идет о переходных явлениях, для описания которых он представляется наиболее эффективным. Одним из процессов, в результате которых появляется такой переход, является *идиоматизация* (Богданова-Бегларян 2022).

Идиоматизация – это «динамический процесс конвенциализации речевого потока языковым сообществом, который ведет как к образованию устойчивого сочетания лексем, так и к новому грамматическому правилу», который приводит к «размыванию границ языковых уровней» (Копотев, Стеклова 2016: 148). Л.В. Молчкова отмечает, что «идиоматизация приводит к компрессии в плане содержания (к появлению нелинейного приращенного смысла) и в плане выражения (к стяжению и эллиптизации)» (Молчкова 2012: 124).

Для начала работы над шкалой идиоматичности были выделены наиболее (крайняя правая точка) и наименее (крайняя левая точка) идиоматичные единицы. Так, в первой точке (зоне) шкалы встали свободные словосочетания, которые в основном отражают семантику перемещения, например, *уйти в комнату*. С правой же стороны оказалось, например, *уйти в небытие* или *уйти в мир иной*, потому что они являются *книжными* фразеологизмами, закрепленными словарями, и представляют собой семантическое целое.

В таком виде «макет» шкалы был представлен респондентам-филологам, которым было предложено пройти опрос по определению места рассматриваемых конструкций в контекстах на предложенной шкале, см. рис. 1.

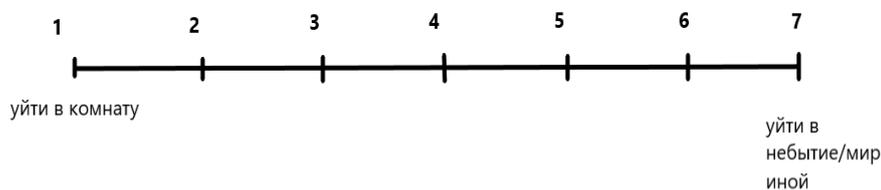

Рис. 1. Макет шкалы идиоматичности

Именно семь делений на шкале было выбрано потому, что, согласно экспериментальной психологии, семи различным категориям соответствует объем абсолютных оценок (Миллер 1964).

Респондентам было предложено рассмотреть 10 конструкций в контекстах:

- *уйти в закат* (контекст 20 выше, для удобства здесь такие контексты повторяются, но заново не нумеруются):

*Мечталось встретить такую девушку, полюбить-полюбиться и **уйти в закат**, держась за руки (ГИКРЯ);*

- *уйти в семью*:

(29) *Я не думаю/ что мне много можно рассказать о себе/ я не работаю/ но очень болею за то/ что происходит в последнее время/ но очень много боли/ и поэтому стараюсь больше **уйти в семью**/ решая домашние проблемы/ потому что не хватает сердца на все происходящее. (УП);*

- *уйти в тень*:

(30) *То есть владеть ситуацией и в парламенте/ и вне парламента/ и на улице. Очень рано **ушли в тень**/ успокоились. И нет силы/ которая бы откату противодействовала (УП);*

- *уйти в штопор* (контекст 5 выше):

*Самое главное, что система высшего образования не **ушла в штопор**, в сложнейших условиях было организовано обучение, в целом все решения были приняты правильно, на мой взгляд (ГП);*

- *уйти в иронию* (контекст б выше):

*Скромный дуэт «Тальник» совершенно бесхитростен там, где многие другие могли бы **уйти в иронию** – на обложке «Музыкайф» находится, натурально, теплый клетчатый плед (ГП);*

- *уйти в себя:*

(31) *Вот где можно отдохнуть от всего и **уйти в себя!** (ГИКРЯ);*

- *уйти в отрыв* (контекст 22):

*Я вчера отработала и **ушла в отрыв**. Вот что хочу сказать. А эту татуировку мы делали пару лет назад Олесе, которая пришла ко мне на обучение (соцсети);*

- *уйти в детскую литературу:*

(32) *Такое было заведение/ редакция Маришака знаменитая в тогдашнем тогда еще Ленинграде // куда в довольно позднем возрасте / в сорок примерно лет с лишним в 24 году вошел и Борис Жидков / который до этого был кораблестроителем / а тут почувствовал напор таланта в себе и стал замечательным писателем // недооцененным / на мой взгляд // как у нас недооценивают тех кто **ушел в детскую литературу** (ОР);*

- *уйти в отказ* (контекст 25 выше):

*Я-аа / хочу **уйти в отказ** от кофе на этой неделе // Постоянно болит голова (ОР)*

- *уйти в отставку:*⁶

(33) *Я хотел бы призвать/ первое/ министра спорта Виталия Мутко **уйти в отставку** по итогу... по итогам футбольных наших результатов и олимпийских/ аа когда мы говорим про защиту наших спортсменов (ОР).*

Но прежде чем перейти к результатам, стоит задержаться на понятии *степени идиоматичности* как таковой. В статье «Об основных типах фразеологических единиц в русском языке» В.В. Виноградов (Виноградов 1977) обращается к классификации А.А. Шахматова, описанной в «Синтаксисе русского языка» (Шахматов 1941). С синтаксической точки зрения А.А. Шахматов различает 4 типа неразложимых словосочетаний, базирующихся на том, что понятие грамматической разложимости словосочетания ставилось в зависимость от «способности словосочетания

⁶ Пример того, как выглядел опрос, а также пример графика с результатами см. в Приложениях 1 и 2.

быть расчленимым на синтаксические компоненты» (Виноградов 1977: 142). Сам же В.В. Виноградов выделяет четыре типа фразеологических сращений (ФС):

- 1) ФС, в которых есть неупотребительные/вымершие слова (напр.: *у черта на куличках, во всю Ивановскую, попасть впросак* и т. п.).
- 2) ФС, включающие грамматические архаизмы, представляющие собой синтаксически неделимое целое (напр.: *ничтоже сумняшеся, была - ни была, и вся недолга!*);
- 3) ФС, подвергшиеся экспрессивной индивидуализации и ставшие неразложимыми (напр.: *чего доброго, вот тебе и на* и др.)
- 4) ФС, представляющие собой слитное семантическое единство, значение компонентов которого не влияет на значение целого (напр.: *сидеть на бобах, души не чаять в ком-нибудь* и т. п.) (Виноградов 1977: 146).

Таким образом, классификация В.В. Виноградова основывается на факторе того, что привело к неразложимости сочетаний.

В данном же исследовании под *степенью идиоматичности* понимается то, насколько слитной и непроницаемой является рассматриваемая конструкция, насколько критичным для ее цельности оказывается разложение на компоненты. Кроме того, учитывается и ее семантика.

Поскольку понятие идиоматичности (и тем более *степени идиоматичности*) даже в науке представляется не до конца унифицированным, результаты проведенного опроса оказались достаточно разнородными. Так, несколько респондентов указали, что *уйти в небытие/мир иной* стоит, скорее, расположить на уровне 4, некоторые отметили сложность выбора в связи с дробностью градации, кроме того, были комментарии о том, что любой из контекстов можно рассматривать в разных значениях.

Однако если собрать полученные результаты и изначальные предположения воедино, то можно представить предварительный вариант,

который в будущем, при проведении исследования с бóльшим количеством респондентов, можно дополнить и улучшить.

В результате, останавливаясь на 7-ми делениях, их, в связи с семантикой конструкций, можно классифицировать следующим образом:

- 1) конструкции со значением *пространственного перемещения*;
- 2) конструкции со значением *смены деятельности*;
- 3) распространенные словарные конструкции со значением *скрытности*;
- 4) конструкции со значением *перехода в какое-либо состояние*;
- 5) конструкции со значением *выбора какой-либо стратегии поведения*;
- 6) конструкции, не закрепленные в словарях, чье значение не вычленяется из суммы значений компонентов (некомпозиционные);
- 7) конструкции, закрепленные в языке на уровне книжных выражений/частотные, *словарные фразеологизмы*.

В результате получается примерно такая шкала идиоматичности (см. рис. 2).

Рис. 2. Шкала идиоматичности

На эту шкалу был помещен также пример, которого не было в опросе, но который представляется подходящим (точка 3), ср.:

- (34) *Значит/ ээ далее вот мы были в структуре этой организации/ возглавлял Котенёв до девяносто четвертого года. В девяносто четвертом году/ когда вот как раз был разгул всех этих льгот/ ну/ Сан Саныч/ видимо/ своё дело сделал и ушёл в тину/ уехал жить во Францию/ где щас по сей день и живёт.* (УП).

Таким образом, в данном разделе была описана попытка создания и экспериментальной проверки шкалы идиоматичности для контекстов, представляющих рассматриваемую конструкцию. Представляется, что в будущем необходимо продолжение такого подхода в отношении разных единиц речи и более детальное исследование конструкции <Уйти в + Асс> – с еще бóльшим объемом материала и бóльшим количеством респондентов.

2.3. Функциональный анализ

Основной целью данного исследования является описание особенностей функционирования конструкции <Уйти в + Асс> в русской повседневной речи (и ее имитациях). На основе словарных значений и контекстов употребления из пользовательского подкорпуса удалось выявить следующие функции:

- *эвфемизация* (~15 %);
- *декорирование речи и придание ей книжности* («вокнижение разговорности», по В.Г. Костомарову: *Костомаров 2015*) (~8,3 %);
- *придание речи экспрессивной окраски* (~22 %).

Рассмотрим все эти функции на конкретных примерах из пользовательского подкорпуса.

2.3.1. Эвфемизация

В словаре лингвистических терминов дается такое определение *эвфемизма*: «Эвфемизм (антифразис) <...> троп, состоящий в непрямом, прикрытом, вежливом, смягчающем обозначении какого-л. предмета или явления» (*Ахманова 1966: 521*).

Е.П. Сеничкина выделяет четыре признака эвфемизмов:

- обозначение нежелательного денотата;
- семантическая неопределенность;
- улучшение характера денотата по сравнению с заменяемым словом;
- формальный характер улучшения денотата (*Сеничкина 2008: 6*).

Группу эвфемизмов, которые описаны в этом разделе, Е.П. Сеничкина характеризует как *языковые эвфемизмы средней степени эвфемизации*: «это эвфемизмы, заменяющие прямые наименования смерти, смертельных и постыдных болезней, человеческих пороков (пьянство, дурной образ жизни, воровство и т. п.)» (*там же*: 17).

Л.П. Крысин в статье «Эвфемизмы в современной русской речи» (*Крысин 1994*) отмечает, что эвфемизация – это одна из двух противоположных тенденций современной речи, вторая – огрубление. Среди целей использования эвфемизмов автор выделяет три:

- 1) стремление избегать коммуникативных неудач, использование более вежливых, мягких слов (*слабослышащий* – вместо *глухой*);
- 2) маскировка сути явления (*новообразование* – вместо *опухоль*, *физическое устранение* – вместо *убийство*);
- 3) стремление сообщить что-то адресату так, чтобы было понятно только ему (*солидная договоренность* – вместо *большая денежная оплата*).

Наиболее интересными для настоящего исследования представляются первые два пункта, так как именно к ним можно отнести исследуемую конструкцию.

Интересно, что связь концепта смерти с «выражениями, обозначающими движение в пространстве, отрицание неподвижности как неотъемлемой характеристики прекращения существования», присутствует в разных языках, например, помимо русского, в бурятском, английском или немецком (*Цыдендамбаева, Доржеева 2020*: 69).

В пользовательском подкорпусе настоящего исследования нашлись следующие примеры использования конструкции <Уйти в + Асс> в качестве эвфемизмов, маскирующих значение ‘умереть’:

- (35) [Баранцев Р.Г., муж, физик, математик, философ] *Как раз перед самой кончиной КэПээСэС/ они... она успела отменить это решение.*
[Буданов В.Г., муж, физик, философ] *Ну что ж/ сняли... сняли анафему и сами ушли в мир иной. Да? (УП);*

- (36) *И те люди/ которые ругаются матом/ Матерь Божья за таких людей не молится/ оскверняется и наша мать и земля/ которая нас кормит. Та мать/ которая родила нас/ **ушла в тот мир**/ для неё это тоже страшно/ слова эти скверны доходят.* (УП);
- (37) *Мы пылинки мироздания. Каждый из нас выныривает откуда-то из тьмы времен, чтобы пожить **и уйти в страну небытия**.* (ОП);
- (38) *Скорее всего, вы выбросите это никому не нужное письмо, и мне ничего не останется, как принять пару тюбиков элениума и **уйти в забытье**.* (ОП);
- (39) — *Что это за типография? — спросил Витя. — «Дети Харбина», — невозмутимо отвечал старик. — Мы сотрудничаем с ними тридцать девять лет... — А когда дети Харбина **уйдут в лучший мир**⁷? — спросил Витя. И я опять пнула его под столом. Но он закусил удила, хамил и брызгал слюной на китайцев. — А заголовки?! — орал он* (УП).

Сюда же можно отнести контекст, указанный выше под номером (17):

*А когда фюрер **уйдёт в небытие**... надо быть очень полезным Борману. Он тогда будет Монте-Кристо двадцатого века* (МП)

Стоит обратить внимание и на другие эвфемистичные конструкции, которые относятся к пьянству или дурному образу жизни:

- (40) *Если есть/ за что зацепиться/ он зацепится и опять **уйдёт в срыв** до тех пор/ пока уже не за что будет цепляться* (УП) (=‘снова начнет пьянствовать’);
- (41) *Аа там русский язык/ там чтение/ рисование/ труд/ если ни в чём нет/ не будет ребёнок хотеть/ не будет/ вообще/ ни любить ни школу/ ни учителей/ ни учеников и уже в седьмом классе он **уйдёт в подъезды**.* (УП) (=‘начнет вести социально неприемлемый образ жизни’).

Кроме того, можно обратиться к понятию *политического эвфемизма*.

В медиа такое средство используется для создания экспрессивности и увеличения степени воздействия на адресата, ср.: «Возникает мерцание косвенных смыслов, извлекаемых из текстов/речи политиков, журналистов. Вследствие этого создается интригующая адресата загадка» (Бурдужа, Леденева 2020: 39). В рамках настоящего исследования к политическим эвфемизмам можно отнести такие конструкции, как *уйти в тень* (13), *уйти*

⁷ Конструкция *уйти в лучший мир* также отдельно зафиксирована в словаре А.И. Молоткова (Фразеологический словарь... 1968: 500).

в сторону (26), *уйти в тину* (34). Наконец, под понятие политической эвфемизации-экспрессии подходит конструкция *уйти в историю*:

(42) *«Советское государство последовательно реализует разработанную коммунистической партией программу жилищного строительства», — процитировал Зеленский действующий кодекс. По мнению политика, данный закон должен **уйти в историю** (ГП).*

Таким образом, конструкция <Уйти в + Асс> зачастую оказывается эвфемистичной, как в «хрестоматийных» вариантах (*уйти в небытие/мир иной...*), так и в более разговорных (*уйти в срыв/подъезды*), а также может быть средством политической эвфемизации, использующейся для воздействия на аудиторию через экспрессивность.

2.3.2. Декорация речи и придание ей книжной окраски

В современной коллоквиалистике существует термин, еще не вошедший в общую терминосистему и применяемый к прагматическим маркерам – «декоратив», или обиходное «никчемутив». В «Словаре прагматических маркеров» о них написано следующее: та или иная единица «используется говорящим не в какой-либо практической функции, а абсолютно немотивированно, “для красного словца”» (ПМ 2021: 357). В настоящем исследовании к «декоративам» были отнесены те употребления конструкции <Уйти в + Асс>, которые, кажется, никак не влияют на смысл высказывания и больше похожи на украшение («вокнижение») речи. Подтверждением такого предположения может послужить то, что часть употреблений, отнесенных к этой категории, зачастую в словарях имеют при себе помету «книжное». Так, довольно часто в этой функции выступает уже описанная конструкция *уйти в небытие* и синонимичные ей, но не в значении смерти, ср.:

(43) *Но опять же всем нам известно/ что два - три года назад получить наличные деньги бюджетнику/ это была большая проблема. Где гарантия того/ что баррель нефти не упадёт/ США завтра не объявят/ что кто-то ещё враг Саудовской Аравии и вся наша политика социальная **уйдёт в небытие** (УП) (= ‘окажется бесполезной’);*

(44) [№ 0] *А вы сказали/ что он скорее не значим на сегодняшний день/ а почему?* [№ 1, муж, 28, 1975, безработный] *Он ушел в небытие свое. Я не считаю/ что это кусок истории/ которым стоит гордиться* (УП) (= ‘исчез, перестал быть важным’);

(45) *Если говорить про безопасность/ то да/ вот есть регулятор/ его государство использует для того/ чтобы негосударственный пенсионный фонд не обанкротился/ и деньги вкладчика не ушли в небытие.* (УП) (= ‘исчезли’);

Или же контекст (19):

*В тот момент мы не собирались никого/ конечно/ брать/ и за секунды перед тем как вот э... у... **уйти в небытие наркоза**/ э... я сразу э... чувство страха/ чувство какого-то... тревоги какой-то* (УП). (= ‘погрузиться в сон под анестезией’);

Этот контекст можно прокомментировать отдельно: помимо нового значения, здесь можно отметить многочисленные хезитативы и обрывы слов (*вот э... у...; э...*): говорящий с трудом подбирает нужное слово, которое в данном случае так и не нашлось⁸.

(46) *она была/ конечно/ совершенно несостоятельная теория/ которая потом/ естественно/ ушла в тьму времен* (УП) (= ‘исчезла, перестала быть актуальной’);

Здесь же подходящим представляется и контекст (18):

Когда дети болеют, амбиции, планы и цели уходят в небытие. И кажется что этот поезд ты уже никогда не догонишь (соцсети)

Таким образом, можно говорить об использовании конструкции <Уйти в + Асс> в качестве «декоратива».

2.3.3. Придание речи экспрессивной окраски

Согласно словарю лингвистических терминов, *экспрессия* – это: «1) В лингвистике: выразительность языковых единиц в тексте; сила проявления описываемых автором эмоций, мыслей. 2) Выразительно-образительные качества речи, отличающие ее от обычной (или стилистически нейтральной) и придающие ей образность и эмоциональную окрашенность. Экспрессия речевая – это выразительность речи» (*Жеребило 2010: 465*).

⁸ В подобных ситуациях в коллоквиалистике говорят о неудачном хезитационном поиске, который случается в повседневном общении не так уж редко – см., например: *Звуковой корпус...* 2015: 301-305.

Кроме того, экспрессивность может быть рассмотрена и с других позиций. Так, в связи с такими функциями, как когнитивная, коммуникативная и интерпретирующая, экспрессивность – это «языковой механизм, который связан с отходом от общепринятых языковых стандартов и обуславливает формирование прецедентных (вторичных) смыслов, передаваемых грамматическими средствами» (Голубева, Борисова 2012: 116).

Н.Н. Кузнецова рассматривает также фактор нормы и объясняет экспрессивность как «выражение субъективного отношения к предмету речи, нарушающее стандартные представления о нем либо за счет возможностей системы языка, либо за счет нарушения языковых норм, достигающееся особым выбором средств различных уровней, который способствует наиболее полному воплощению замысла автора и одновременно – наиболее точному его пониманию реципиентом речи» (Кузнецова 2022: 86).

Что же касается предмета настоящего исследования, то здесь также стоит обратиться к понятию *коннотации* как дополнительной информации, включающей оценочный, экспрессивный, эмоциональный и стилевой компоненты (Самылина 2011).

Наконец, существует полемика о том, является ли экспрессия явлением языковым или же *речевым*. Так, сторонники семантической теории⁹ придерживаются мнения, что «Экспрессивный элемент, несомненно, является семантическим (а значит, языковым! – К. Н.), т. к. он расширяет и усложняет значение слова специфическими смысловыми оттенками» (Кузнецова 2007: 64, цит. по: Шаховский 1987). Представители же стилистического¹⁰ направления настаивают на том, что средства языка могут быть только потенциально экспрессивными, а в полной же мере выразительность проявляется только в контексте, в *речи* (Кожина 1987).

⁹ Н.А. Лукьянова, Т.В. Матвеева, В.И. Шаховский, В.Н. Телия, Л.М. Васильев, В.К. Харченко и др.

¹⁰ М.Н. Кожина, Н.М. Павлова, Ю.М. Скробнев.

Одной из первых конструкций в пользовательском подкорпусе настоящего исследования, обратившей на себя внимание и определившей во многом направление работы, было выражение *уйти в умат*:

(47) *Мне запрокинули голову / и стали заливать туда водку // Я конечно сразу ушел в умат* (ОР).

Значение слова *умат* нашлось в БСРП: «Умат * В умат (в умате). 1. Разг. В состоянии сильного алкогольного опьянения <...>» (Мокиенко, Никитина 2007: 687).

Представляется, что эта конструкция по отношению к синонимичному значению ‘сразу сильно опьянел’ явно более экспрессивная, особенно учитывая контекст весьма своеобразного способа употребления алкоголя.

Другая экспрессивная конструкция (и имеющая соответствующую помету в ФСРЛЯ) – это *уйти в тень*:

(48) *Ему будет сложно/ ему придется осваивать эту науку/ потому что ему придется выходить в прозрачные отношения. [Климов, муж, журналист] Или искать новые пути **уйти в тень*** (УП);

(49) *Просто «убрать» МФО нельзя, потому что тогда они не перестанут вести свою деятельность, а **уйдут «в тень»*** (ГП);

(50) *Нам очень важно поддержать небольшие предприятия, которые обеспечивают работой более миллиона петербуржцев, и не позволить им снова **уйти в тень*** (ГП);

(51) — *И вместе с тем высказывает опасения, что некоторые МФО после ужесточения кредитной политики могут **уйти в тень** из регулируемой зоны и выдавать кредиты нелегально* (ГП);

(52) *Одни из них умерли молодыми/другие **ушли в тень*** (ОР).

Здесь же стоит упомянуть и конструкцию, также обозначенную в ФСРЛЯ как экспрессивная – *уйти в сторону*: см. выше контексты (26)-(28).

Интересно, что наиболее часто эти две конструкции – *уйти в тень* и *уйти в сторону* – встречаются в медиатекстах на политические темы и в записях политических программ. Это связано с тем, что «для современного медийного дискурса характерна повышенная оценочность, гипертрофированная воздействующая функция, усиление личностного начала» (Соловьева 2018: 110), а одним из ключевых понятий политической

сферы (и, соответственно, дискурса) является «оценка и воздействие, которое оказывает адресант на реципиентов для получения искомого результата» (Иванова 2021: 107).

Кроме того, можно выделить еще ряд интересных контекстов.

(53) *были моменты/ был период э-э вот у нас у всех/ когда все носили угги// такие коричневые и *смеется* да/ и-и, у меня никогда не было угг и-и/ я на тот момент думала, что нет// В общем/ то что все носят/ мне хочется/ ну как-бы/ **я в какое-то отрицание ухожу**/ думаю нет/ точно нет (ОР);*

Используя конструкцию, говорящий в контексте (53) акцентирует внимание на своем негативном отношении к предмету речи.

(54) *Она ненавидела алкашей/ она моментально просто в агрессию уходила (ОР).*

В примере (54) контекст подразумевает агрессивное отношение собаки говорящего к пьяным людям, и использование конструкции усиливает воздействие и помогает ярче отразить картину происходящего – поведение животного *полностью* меняется, собака переходит в состояние полной агрессии.

Отдельную группу представляют употребления книжных конструкций (*уйти в небытие/ в мир иной/...*), особенно в «несловарных» значениях: см. контексты (43)-(45).

Стоит сказать и о том, что не все конструкции такого типа, с непрямым значением глагола *уйти*, являются экспрессивными. Так, совершенно нейтральными представляются такие варианты:

(55) *Вот/ минусы жещин на работе// Она хозяйственная/ но может **уйти в декрет** (УП);*

(56) *Такое было заведение/ редакция Маршака знаменитая в тогдашнем тогда еще Ленинграде // куда в довольно позднем возрасте / в сорок примерно лет с лишним в 24 году вошел и Борис Жидков / который до этого был кораблестроителем / а тут почувствовал напор таланта в себе и стал замечательным писателем // недооцененным / на мой взгляд // как у нас недооценивают тех кто **ушел в детскую литературу** (ОР);*

- (57) *и я всегда думаю / а что было бы сейчас, если бы Жан Мишель Баския был жив // ему был бы 61 год и он был бы / м-м-м такой раскрученный / и ушел бы в коммерцию как Уорхолл в свое время или там Хёрст (ОР);*
- (58) *Его уход в революцию становится причиной смерти его матери Агрипины (ОР).*

Таким образом, можно говорить об экспрессивной функции конструкции <Уйти в + Асс> в русской повседневной речи.

2.4. Выводы по главе

В данной главе были рассмотрены семантические и функциональные особенности конструкции <Уйти в + Асс>.

Анализ показал, что, несмотря на обилие словарных значений глагола *уйти* и фразеологических значений конструкции <Уйти в + Асс>, пополнение и обновление словарей все же необходимо.

Кроме того, исследование материала пользовательского подкорпуса показало, что, например, такие конструкции, как *уйти в тень, уйти в небытие, уйти в закат, уйти в отказ, уйти в отрыв* и *уйти в сторону* обнаруживают явную *полисемию*, не отраженную в словарях на сегодняшний день.

Был также проведен анализ *идиоматичности* рассматриваемой конструкции с применением методики шкалирования и проведения опросов, а также с построением *шкалы степени идиоматичности*, от наименее идиоматичных (свободные сочетания) к наиболее идиоматичным (устойчивые фразеологизмы).

Функциональный анализ показал, что конструкция <Уйти в + Асс> может выполнять такие функции, как *эвфемизация, декорация речи, придание ей книжной или экспрессивной окраски*.

Результаты проведенного анализа могут быть применимы на практике, как для выработки и совершенствования методики исследования подобных единиц, так и для пополнения словарного пространства, уточнения переводов и преподавания русского языка как иностранного.

В дальнейшем возможно продолжение исследования в избранном направлении – с бóльшим объемом пользовательского подкорпуса и бóльшим количеством респондентов: для уточнения шкалы идиоматичности и создания проектов словарных статей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на распространенность и понятность конструкции <Уйти в + Асс> для носителей русского языка, ее функционал и семантика в современной повседневной речи оказываются далеко не полностью зафиксированными в словарях разного типа, что помогает исправить взгляд на нее с точки зрения коллоквиалистики и использование корпусного подхода к сбору и систематизации материала.

В настоящем исследовании была поставлена цель – описание семантики конструкции <Уйти в + Асс> и анализа особенностей ее функционирования, что может помочь в разработке новых и «обновлении» существующих словарных статей, в практике перевода и преподавания русского языка как иностранного. Эта цель представляется выполненной. Реализованы были и все поставленные задачи, а также были отмечены актуальность исследования, его научная новизна, теоретическая и практическая значимость. В перспективе этот анализ и подобные ему можно будет использовать для создания новых и расширения старых словарных статей, для уточнения переводов русских художественных текстов на другие языки и для обучения студентов-иностранцев русскому языку.

В ходе исследования были сделаны следующие выводы.

1. На сегодняшний день словарных данных на глагол *уйти* и конструкцию <Уйти в + Асс> явно недостаточно для описания этих единиц, хотя бóльшая часть употреблений все же была найдена в словарях. Стоит отметить также, что множество толкований этой конструкции восстанавливается лишь через значение слова в позиции Асс (которое часто обнаруживается лишь в словарях ненормативной лексики).

2. Конструкция <Уйти в + Асс> полисемична. Наиболее яркими примерами таких многозначных употреблений оказались *уйти в тень*, *уйти в небытие*, *уйти в закат*, *уйти в отрыв*, *уйти в отказ*, *уйти в сторону*.

3. Исследуемая конструкция обладает таким свойством, как идиоматичность, степень проявления которой можно отобразить на шкале, расположив употребления от наименее идиоматичных (свободные сочетания) к наиболее идиоматичным (устойчивые фразеологизмы).

4. Исследуемая конструкция имеет три основных сферы функционирования:

- *эвфемизация*. Конструкция и ее отдельные примеры зачастую используются для маскировки тех или иных явлений. Самый «хрестоматийный» пример – конструкции типа *уйти в небытие/мир иной* и т. п., означающие ‘умереть’. Однако встретились и другие варианты: так, представляется, что сочетания *уйти в срыв/ в подьезды* представляют собой маскировку явлений, связанных с неприемлемым образом жизни, а *уйти в тень/сторону* можно отнести к так называемым политическим эвфемизмам;

- *декорация речи и придание ей книжной окраски («вокнижение»)*. Анализ ряда контекстов показал, что рассматриваемая конструкция может употребляться в функции «декоратива». Используя книжное *уйти в небытие*, а также просто красивые выражения вроде *уйти в тьму времен*, говорящие делают (или пытаются делать) свою речь изящнее;

- *придание речи экспрессивной окраски*. Кроме того, выяснилось, что довольно большая часть употреблений рассматриваемой конструкции выступает в роли усилителя, придавая речи бóльшую экспрессивность. Образ ментального погружения, который создает глагол *уйти*, а также разговорность/экспрессивность/книжность существительных в позиции Асс делают такие выражения, как *уйти в умат*, *уйти в агрессию* и т. д., более воздействующими на слушателя, чем синонимичные им *опьянеть*, *стать агрессивным*.

Таким образом, было проведено исследование, которое имеет перспективу продолжения через усовершенствование методики поиска, отбора и анализа подобных единиц. Результаты исследования могут быть

использованы для пополнения («обновления») словарного пространства и развития коллоквиалистики и корпусного подхода в разных областях лингвистики.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ В РАБОТЕ СОКРАЩЕНИЙ

ГИКРЯ	– Генеральный Интернет-Корпус Русского Языка
ГК	– грамматика конструкций
ГП	– газетный подкорпус Национального корпуса русского языка
КЛЯ	– кодифицированный литературный язык
ЛСП	– лексико-семантическое поле
МП	– мультимедийный подкорпус Национального корпуса русского языка
НКРЯ	– Национальный корпус русского языка
НСВ	– несовершенный вид (глагола)
ОП	– основной подкорпус Национального корпуса русского языка
ОР	– окружающая речь
ОРД	– корпус русской повседневной речи «Один речевой день»
ПМ	– прагматические маркеры
ПР	– повседневная речь
РПР	– русская повседневная речь
РР	– разговорная речь
СВ	– совершенный вид (глагола)
СР	– спонтанная речь
УЛР	– устная литературная речь
УП	– устный подкорпус Национального корпуса русского языка
ФС	– фразеологические сращения
СxG	– Construction Grammar

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аничков И.Е.* Идиоматика и семантика (Заметки, представленные А. Мейе, 1927) // Вопросы языкознания. – 1992, № 5. – С. 136-150.
2. *Арутюнова Н.Д.* О критерии выделения аналитических форм // Аналитические конструкции в языках различных типов / Под ред. *В.М. Жирмунского, О.П. Суника.* М.-Л.: Наука, 1965. С. 121-128.
3. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.
4. *Балли Ш.* Французская стилистика. 2-е изд., стереотипное. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 392 с.
5. *Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Идиоматичность и идиомы // Вопросы языкознания. – 1996, № 5. – С. 51-64.
6. *Басалаева Е.Г., Булыгина Е.Ю., Трипольская Т. А.* Стилистическая квалификация разговорной лексики в Базе данных прагматически маркированной лексики русского языка // Повседневная речь как объект лексикографии (Тринадцатые Шмелевские чтения). Тезисы докладов международной конференции (23-25 февраля 2020 г.) / Отв. ред. *Л.П. Крысин.* – М.: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2020. – С. 9-10 [Электронный ресурс] // <http://www.ruslang.ru/doc/smelevskie-thesis.pdf/2020> (дата обращения: 20.04.2023).
7. *Богданова Л.И.* Слово в речи и в словаре // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium. Сб. научных материалов / *И.Л. Копылов* (гл. ред.). – Минск: Четыре четверти. 2017. – С. 7-12.
8. *Богданова Н.В.* Живые фонетические процессы русской речи: пособие по спецкурсу. – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2001. – 186 с.
9. *Богданова-Бегларян Н.В.* Ядро и периферия лексико-грамматической характеристики русского слова: о судьбе периферийных единиц // Мир русского слова. – 2020, № 2. – С. 21-29.
10. *Богданова-Бегларян Н.В.* Предисловие редактора // Прагматические маркеры русской повседневной речи. Словарь-монография / Под ред. *Н.В. Богдановой Бегларян.* – СПб.: Нестор-История, 2021. – С. 5-52.
11. *Богданова-Бегларян Н.В.* Методика шкалирования как инструмент описания грамматики повседневной русской речи // Русская грамматика в диалоге научных школ, направлений, методов: сб. научных статей / Отв. ред. *Е.С. Шереметьева, Е.А. Стародумова, А.А. Анисова.* – Владивосток: Изд-во Дальневосточного фед. ун-та, 2022. – С. 178-186.
12. *Богданова-Бегларян Н.В.* Гиперкоррекция, или стилистический диссонанс в повседневном дискурсе // Когнитивные исследования

- языка. Вып. 3 (54): Когниция, коммуникация, дискурс: современные аспекты исследования: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 20-21 апреля 2023 года. Часть II / Отв. ред. вып. Л.А. Фурс. – Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2023. – С. 381-385.
13. Богданова-Бегларян Н.В., Лю Даян. Идиоматика в повседневной устной речи (к разработке методики описания) // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. – 2017. Т. 9, вып. 4. – С. 16-27.
 14. Богданова-Бегларян Н.В., Шерстинова Т.Ю., Блинова О.В., Мартыненко Г.Я. Корпус «Один речевой день» в исследованиях социолингвистической вариативности русской разговорной речи // Анализ разговорной русской речи (АР³-2017): Труды седьмого междисциплинарного семинара / Науч. ред. Д.А. Кочаров, П.А. Скрелин. – СПб.: Политехника-принт, 2017. – С. 14-20.
 15. Богданова-Бегларян Н.В., Блинова О.В., Мартыненко Г.Я., Шерстинова Т.Ю. Корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день»: текущее состояние и перспективы // Труды Ин-та русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. 21. Национальный корпус русского языка: исследования и разработки / Гл. ред. А.М. Молдован. Отв. ред. выпуска В.А. Плунгян. – М.: ИРЯ РАН, 2019. – С. 101-110.
 16. Будагов Р.А. Закон многозначности слова // Русская речь. – 1972, № 3. – С. 132-140.
 17. Бурдужа А.В, Леденева В.В. Политический эвфемизм как средство экспрессии в языке СМИ // Поволжский педагогический вестник. – 2020, Т. 8, № 1 (26). – С. 35-40.
 18. Виноградов В.В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // В.В. Виноградов. Избранные труды: лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – 310 с.
 19. Голубева Н.А., Борисова Д.А. Функции языковой экспрессии в формировании прецедентных смыслов // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2012, № 3 (032). – С. 116-119.
 20. Дергачёва Л.А. Стилистическое и звуковое своеобразие квазиспонтанной речи // Вестник Тверского гос. ун-та. Серия «Филология». – 2014, № 2. – С. 201-208.
 21. Добровольский Д.О. Грамматика конструкций и фразеология // Вопросы языкознания. – 2016, № 3. – С. 7-21.
 22. Добровольский Д.О, Караулов Ю.Н. Идиоматика в тезаурусе языковой личности // Вопросы языкознания. – 1993, № 2. – С. 5-15.
 23. Духовная Т.В. Дискурс кинофильма: соотношение с понятием дискурса живой речи // Вестник Майкопского гос. технол. ун-та. – 2014, № 3. – С. 22-25.

24. *Жеребило Т.В.* Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
25. *Звуковой корпус* как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание / Отв. ред. *Н.В. Богданова-Бегларян.* – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2013. – 532 с.
26. *Звуковой корпус* как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 2. Теоретические и практические аспекты анализа. Том 2. Звуковой корпус как материал для новых лексикографических проектов / Отв. ред. *Н.В. Богданова-Бегларян.* – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2015. – 364 с.
27. *Залевская Т.Е., Ибрагимова Л.И.* Фразеологическое значение и его типы // Мир науки, культуры, образования. – 2022, № 1 (92). – С. 415-417.
28. *Захаров В.П., Богданова С.Ю.* Корпусная лингвистика. Учебник для студентов направления «Лингвистика». 2-е изд., перераб. и дополн. – СПб.: СПбГУ, РИО. Филологический ф-т, 2013. – 148 с.
29. *Земская Е.А.* Городская устная речь и задачи ее изучения // Разновидности городской устной речи. – М.: Наука, 1988. – С. 5-44.
30. *Земская Е.А.* Русский язык как иностранный. Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения: Учебное пособие. 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 240 с.
31. *Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н.* Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. – М.: Наука, 1981. – 276 с.
32. *Иванова Т.К.* Средства экспрессии в политическом медиадискурсе и опасность их использования // Российские исследования, 2021, № 2, т. 2. – С. 106-113.
33. *Казак М.Ю.* Язык газеты. – Белгород: ИД «Белгород», 2012. – 120 с.
34. *Клушина Н.И., Николаева А.В.* Стилистика интернет-текста: учебник. – М.: Эдитус, 2019. – 176 с.
35. *Кожевникова К.О.* Спонтанная устная речь в эпической прозе. – Прага: Univ. Karlova, 1970. – 168 с.
36. *Кожевникова К.О.* О смысловом строении спонтанной речи // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV: Современное в зарубежной русистике. – М.: Прогресс, 1985. – С. 512-524.
37. *Кожина М.Н.* О языковой и речевой экспрессии и ее экстралингвистическом обосновании // Проблемы экспрессивной стилистики. – Ростов-на-Дону, 1987. – С. 14-17.

38. *Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А.* Стилистика русского языка: учебник. – 4-е изд., стереотип. – М.: ФЛИНТА: наука, 2008. – 464 с.
39. *Копотев М.В., Стексова Т.И.* Исключение как правило: переходные единицы в грамматике и словаре. – М.: Языки славянской культуры: Рукописные памятники Древней Руси, 2016. – 170 с.
40. *Костомаров В.Г.* НОРМА – создательница или порождение языка? // XLIII Международная филологическая конференция 11-16 марта 2014 года. Избранные труды. – СПб.: СПбГУ, 2015. – С. 206-214.
41. *Крысин Л.П.* Эвфемизмы в современной русской речи. // Русистика. – 1994, № 1-2. – С. 28-49.
42. *Кузнецова Н.Н.* Категория экспрессивности и связанные с нею понятия. // Вестник ОГПУ. – 2007, № 4. – С. 63-74.
43. *Кузнецова Н.Н.* Аспекты, составляющие специфику художественного текста. // Вестник Пермского гос. гум.-пед. ун-та. – Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки, 2022. – С. 82-87.
44. *Кунин А.В.* Курс фразеологии современного английского языка. – М.: Высшая школа; Дубна: Феникс, 1996. – 381 с.
45. *Ларин Б.А.* О лингвистическом изучении города // *Б.А. Ларин.* История русского языка и общее языкознание. – М.: Просвещение, 1977. – С. 175-189.
46. *Лантева О.А.* Общие особенности устной публичной (научной) речи // Современная русская устная научная речь. Том I. Общие свойства и фонетические особенности. – Красноярск, 1985. – С. 46-62.
47. *Лантева О.А.* Разговорная речь // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. *В.Н. Ярцева.* – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 407-408.
48. *Мечковская Н.Б.* Естественный язык и метаязыковая рефлексия в век Интернета // Русский язык в научном освещении. – 2006, № 2 (12). – С. 165-185.
49. *Миллер Дж. А.* Магическое число семь плюс два. О некоторых пределах нашей способности перерабатывать информацию // Инженерная психология. – М.: Прогресс, 1964. – С. 192-225.
50. *Молчкова Л.В.* Идиоматизация как способ компрессии информации // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2: Языкознание. – 2012, № 2 (16). – С. 124-128.
51. *Норман Б.Ю.* Синтактика, когниция и композиционная семантика // Russian Journal of Linguistics. – 2019. Т. 23. No 3. – С. 714-730.

52. *Осьмак Н.А.* Лексические единицы повседневной разговорной речи: пути лексикографического описания их функционирования. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2014. – 24 с.
53. *Осьмак Н.А.* Основные принципы речевой лексикографии // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы XI Международной научной конференции (Владимир, 29 сентября – 1 октября 2015 года). – Владимир: Транзит-ИКС, 2015. – С. 379-383.
54. *Падучева Е.В.* Парадигма регулярной многозначности глаголов звука // Вопросы языкознания. – 1998, № 5. – С. 3-23.
55. *Повседневная речь* как объект лексикографии (XIII Шмелевские чтения). Тезисы докладов международной конференции (23-25 февраля 2020 г.) / Отв. ред. *Л.П. Крысин*. – М.: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2020. – 87 с. [Электронный ресурс] // <http://www.ruslang.ru/doc/smelevskie-thesis.pdf/2020> (дата обращения: 20.04.2023).
56. *Прагматические маркеры* русской повседневной речи. Словарь-монография / Сост., отв. ред. и автор предисловия *Н.В. Богданова-Бегларян*. – СПб.: Нестор-История, 2021. – 520 с.
57. *Приемышева М.Н.* Разговорная лексика vs разговорная речь: тенденции и проблемы лексикографического описания // *Повседневная речь* как объект лексикографии (Тринадцатые Шмелевские чтения). Тезисы докладов международной конференции (23-25 февраля 2020 г.) / Отв. ред. *Л.П. Крысин*. – М.: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2020. – С. 58-59 [Электронный ресурс] // <http://www.ruslang.ru/doc/smelevskie-thesis.pdf/2020> (дата обращения: 20.04.2023)
58. *Пушкова О.* Имитация разговорной речи в современном художественном тексте (на основе рассказов В. Пелевина) // *Русский язык в XXI веке: исследования молодых: материалы VI международной научной студенческой конференции* / Отв. ред. *Е.А. Журавлева*. – Сургут: РИО БУ «Сургутский гос. пед. ун-т», 2019. – С. 263-266.
59. *Рахилина Е.В., Кузнецова Ю.Л.* Конструкции в Грамматике конструкций // *Лингвистика конструкций* / Отв. ред. *Е.В. Рахилина*. – М.: Азбуковник, 2010. – С. 19-24.
60. *Русский язык* повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах. Коллективная монография / Отв. ред. *Н.В. Богданова-Бегларян*. – СПб.: ЛАЙКА, 2016. – 244 с.
61. *Савицкий В.М.* Основы общей теории идиоматики. – М.: Гнозис. – 208 с.
62. *Самылина Е.В.* Оценочность, эмоциональность, экспрессивность и стилевая принадлежность русских и английских процессуальных

фразеологизмов со значением физической деятельности и физического состояния // Наука о человеке: гуманитарные исследования – 2011, № 2 (8). – С. 124-130.

63. *Сиротинина О.Б.* К вопросу о функционально-стилевых различиях в русском языке и речи в XXI в. // Актуальные проблемы стилистики. – 2019, № 5. – С. 27-39.
64. *Скребнев Ю.М.* Введение в коллоквиалистику // Под ред. *О.Б. Сиротининой.* – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1985. – 210 с.
65. *Солганик Г.Я.* О структуре и важнейших параметрах публицистической речи (языка СМИ) // Язык современной публицистики: сб. статей / Сост. *Г.Я. Солганик.* – М.: Флинта : Наука, 2005. – С. 13-30.
66. *Соловьева Д.В.* Рискогенность словообразовательных неологизмов в современных медиатекстах общественно-политической направленности // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2018, № 1, т. 16. – С. 109-123
67. *Сунь Сяоли.* Прагматический маркер «это самое» в мультимедийном корпусе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. Том 15. Вып. 9. – С. 2882-2888.
68. *Трофимова Г.Н.* Языковой вкус интернет-эпохи в России. Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты: Монография. 2-е изд., испр. и доп. – М.: РУДН, 2011. – 436 с.
69. *Химик В.В.* Русская разговорная речь: общее понятие, обучение и вопросы терминологии // XLIII Международная филологическая конференция, Санкт-Петербург, 11-16 марта 2014 г.: Избранные труды. – СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2015. – С. 460-471.
70. *Цыдендамбаева О.С., Доржиева О.А.* Концепт Смерть в эвфемистической картине мира на материале английского, немецкого, русского, бурятского языков // Филология: научные исследования. – 2020, № 2. – С. 67-77.
71. *Черданцева Т.З.* Идиоматика и культура (постановка вопроса) // Вопросы языкознания. – 1996, № 1. – С. 58-70.
72. *Чернышова Т.В.* Современный публицистический дискурс (коммуникативно-стилистический аспект): Учеб. пособие. – Барнаул: Издво Алт. ун-та, 2003. – 178 с.
73. *Шахматов А.А.* Синтаксис русского языка, вып. I. Изд. 2. – М: Учпедгиз, 1941. – 620 с.
74. *Шаховский В.И.* Ономаσιологический и семасиологический аспекты экспрессивности // Проблемы экспрессивной стилистики. – Ростов-на-Дону, 1987. – С. 40-47.

75. *Asinovsky, A., Bogdanova, N., Rusakova, M., Ryko, A., Stepanova, S., Sherstinova, T.* The ORD Speech Corpus of Russian Everyday Communication «One Speaker's Day»: Creation Principles and Annotation // *V. Matoušek, P. Mautner* (eds.). TSD 2009, LNAI, vol. 57292009. – Berlin-Heidelberg: Springer publ., 2009. – Pp. 250-257.
76. *Bogdanova-Beglarian, N., Sherstinova, T., Blinova, O., Martynenko, G.* An Exploratory Study on Sociolinguistic Variation of Spoken Russian // *SPECOM 2016*. – Lecture Notes in Artificial Intelligence, vol. 9811, 2016a. – Pp. 100-107.
77. *Bogdanova-Beglarian, N., Sherstinova, T., Blinova, O., Baeva, E., Martynenko, G., Ryko, A.* Sociolinguistic Extension of the ORD Corpus of Russian Everyday Speech // *SPECOM 2016*. – Lecture Notes in Artificial Intelligence, vol. 9811, 2016b. – Pp. 659-666.
78. *Fillmore, C.J., Kay, P., O'Connor, M.C.* Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: the case of LET ALONE // *Language*. – Vol. 64, No. 3, 1988. – Pp. 501-538.
79. *Finegan, E.* LANGUAGE: its Structure and Use. – N.Y.: Harcourt Brace College Publishers, 2004. – 24 p.
80. *Goldberg, A.E.* Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure. – Chicago: University of Chicago Press, 1995. – 251 p.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ И ИНЫХ РЕСУРСОВ

1. *Белянин В.П., Бутенко И.А.* Живая речь. Словарь разговорных выражений. – М.: ПАИМС, 1994. – 192 с.
2. *БТС* – Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. *С.А. Кузнецов* – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
3. *ГИКРЯ* – Генеральный Интернет-Корпус Русского Языка // <http://www.webcorpora.ru>.
4. *Елистратов В.С.* Словарь русского арго: Материалы 1980-1990 гг.: Около 9 000 слов, 3 000 идиоматических выражений. – М.: Русские словари, 2000. – 694 с.
5. *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка: Толково-образовательный: в 2 т. М.: Русский язык, 2000. Т. 1: *А – О*. 1232 с.
6. *Крысин Л.П.* (ред.). Толковый словарь русской разговорной речи. – М.: ЯСК, Вып. 1: *А – И*. 2014, 775 с.; Вып. 2: *К – О*. 2017, 860 с.; Вып. 3: *П – Р*. 2019, 820 с.; Вып. 4: *С – Т*. 2021, 676 с.
7. *МАС* – Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. *А.П. Евгеньевой*. 3-е изд., стер. – М.: Русский язык, 1988. Т. 4. *С – Я*. – 796 с.
8. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русских поговорок. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с.
9. *НКРЯ* – Национальный корпус русского языка // <https://ruscorpora.ru>
10. *ОРД* – Корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день» // <https://ord.spbu.ru>.
11. *Сеничкина Е.П.* Словарь эвфемизмов русского языка. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 464 с.
12. *Толковый словарь русского языка* / Под ред. *Д.В. Дмитриева*. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 1582 с.
13. *Федоров А.И.* Фразеологический словарь русского литературного языка. 3-е изд., испр. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 878 с.
14. *Фразеологический словарь русского языка* / Под ред. *А.И. Молоткова*. Изд. 2-е, стереотип. – М.: Советская энциклопедия, 1968. – 543 с.
15. *Химик В.В.* Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. – СПб.: Норинт, 2004. – 768 с.
16. *Химик В.В.* Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи: В 2 т. Т. 1. *А – Н*. – СПб.: Златоуст, 2017а. – 528 с.
17. *Химик В.В.* Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи: В 2 т. Т. 2. *О – Я*. – СПб.: Златоуст, 2017б. – 532 с.

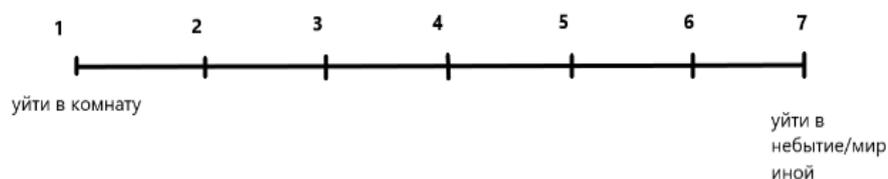
ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ОФОРМЛЕНИЕ ОПРОСА О ШКАЛЕ ИДИОМАТИЧНОСТИ

Идиоматичность конструкции <*Уйти в + Асс>

Здравствуйте, коллеги! Прошу вас пройти небольшой опрос, цель которого - построить шкалу идиоматичности для конструкции <*Уйти в + Асс>. Вам будет предложен макет шкалы, на которой указаны наименее и наиболее идиоматичные примеры употребления. Ваша задача - расположить на этой шкале другие 10 конструкций (которые будут указаны в контексте). Большое спасибо всем, кто откликнулся! Опрос займет не более 10 минут.

Шкала:

[Я не думаю/ что мне много можно рассказать о себе/ я не работаю/ но очень болею за то/ что происходит в последнее время/ но очень много боли/ и поэтому стараюсь больше **уйти в семью**/ решая домашние проблемы/ потому что не хватает сердца на все происходящее.]

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ПРИМЕР РЕЗУЛЬТАТОВ ОПРОСА О ШКАЛЕ ИДИОМАТИЧНОСТИ.

